

Синопис к пьесе – «Моя жизнь в искусстве»

Внутренняя жизнь театра со сцены. То, что было скрыто за кулисами, теперь предстает во всей своей неподражаемой красе. Последняя репетиция перед премьерой.

Все идет, как и прежде своим драматургическим чередом: примы играют главные роли, заслуженные и знаменитые артисты купаются в лучах преходящей славы.

И даже тот, кто играет на вторых ролях не в силах высказать режиссеру-постановщику Змееву, все то, что думает о его профессиональной работе. Влюбленный же в искусство - актер Гаврилов, смотрит с тоской и восторженной грустью вслед чужому успеху.

Как раз сегодня исполнилась круглая дата, юбилей, как началась его актёрская карьера, и по этому поводу он даже приносит на сцену дорогое шампанское, чтобы выпить его в кругу своих коллег.

Все поздравляют Гаврилова, но как ему кажется, они больше соболезнуют его неудачной жизни в искусстве, потому что за два десятилетия пребывания на сцене, он так и не сыграл ни одной большой роли.

Но сегодня все изменится. Характерный актер решает предложить свою трактовку сегодняшней премьеры, лишь немногим, изменив убранство на сцене по системе Станиславского, который уже когда-то проделывал такие опыты с заправскими актерами.

Гаврилов играет главную и выстраданную роль всей своей жизни. Но как посмотрит на все его художества главный постановщик, прима театра Князева, и смогут ли его коллеги по актерскому цеху поддержать Гаврилова на сцене?!

Хотя бы раз в жизни актер имеет право совершить безумство, и ради своей лучшей роли он готов умереть на сцене.

Только вчерашний триумф на театральных подмостках имеет свое логическое продолжение. Гаврилов мало что помнит, потому что шампанское сыграло с ним злую шутку и по-прежнему шумит в его голове.

На следующее утро он просыпается в квартире примы театра Князевой, которая решила отомстить ему за навет, когда он публично оклеветал ее, обвиняя в интрижке с постановщиком Змеевым. В плену незаслуженных иллюзий Гаврилов принимает белую кровать — за райское облако, а приму театра - за безгрешного ангела. Но вскоре из рая ему придется попасть прямо в ад, потому что теперь женщина берет все в свои руки. Тучи сгущаются над Гавриловым, а он лишь робко спрашивает о своем зрителе — некой загадочной даме с интригующими инициалами – «ТК».

Но неожиданный приход в квартиру Князевой всей театральной труппы на время откладывает разгадку этой непростой задачи. Змеев благодарит Гаврилова за вчерашний бенефис и даже предлагает ему самому выбрать новую пьесу, в которой в главной роли будет играть он. Но актер по-прежнему чуть ли не голый, лежит на кровати Князевой, о чем и заявляет постановщику, которому тут же приходит в голову мысль, поставить спектакль по сказке - «Голый король».

Все — за, один Гаврилов против. Он не может, так низко пасть в глазах своей единственной поклонницы. Лишь после того, как актеры оставляют Гаврилова и Князеву наедине, открывается, что «ТК» - это «Таинственная Князева».

Жаль только, что не сам Станиславский!

Пьеса в двух действиях – «Моя жизнь в искусстве»

Жанр: Комедия

Главные лица:

1. Константин Гаврилов, актер массовки.
2. Ольга Князева, прима театра.
3. Михаил Седов, самый титулованный актёр труппы.
4. Мария Мышкина, актриса на вторых ролях
5. Александр Белов, подающий большие надежды и знаменитый в своих кругах актёр.
6. Степан Высоцкий, актер кино, в театр попадает между многочисленными съемками.
7. Николай Нечаев, актер ушедший глубоко в себя.
8. Стуков, суфлер.
9. Змеев, постановщик.

Первое действие

Открывается занавес. На сцене происходит последняя репетиция перед премьерой. Праздничная атмосфера богатой вечеринки: большой накрытый «шведский» стол стоит в центре сцены, отдельно стол с напитками. Справа стоит богатая мягкая мебель, несколько картин, слева стулья. Справа стоит входная дверь, слева большое окно. Постановщик нервно ходит по залу и дает последние указания актерам.

Змеев (потирает руки). Пока есть время, давайте скоренько пройдем эту сцену. И так, большой и светский раут: знакомые встречаются с незнакомыми, знаменитые с неизвестными, богатые... с очень богатыми. Одним словом все любят ходить в гости, при этом, не задумываясь, сколько это может стоить. Ну, если им все равно, то, и нам на это, собственно говоря, наплевать. Так вы - Седов берете два бокала со стола и один, медленно, я бы сказал томно, предлагаете для дамы, с которой впервые сегодня познакомились. Вы - Князева нехотя, играя, берете бокал у мужчины, холодно соблазняет этого двуногого идиота, который сам плывёт к вам в сети.

Седов (недовольно бурчит). Все-таки про двуногого болвана – это перебор. Нельзя бы, как-нибудь по-другому сформулировать вашу мысль. Я, конечно же, не могу вмешиваться в ваши постановочные планы, и боже упаси, не хочу, вам мешать, но я - заслуженный артист.

Змеев. Я лишь в доступной манере пытаюсь донести, до вас всю сложность и неповторимость вашей актерской роли. Думаете, это так просто разгадать замысел популярного драматурга, с таким неразборчивым почерком (смотрит в авторскую рукопись). Он же пишет, как курицей лапой. (Обращается примирительным тоном к Седову.) Ну, если обидел вас голубчик, то прошу меня простить.

Высоцкий (басом). Хорошо, я вас извиняю.

Змеев. А вы здесь причем Высоцкий! За вас мне еще предстоит взяться, так что не расслабляйтесь. Вы - Мышкина со стороны наблюдаете, как в жизнь воплощается коварный план Князевой, - вашей соперницы, и пытаетесь что-то неординарное предпринять, поэтому смело подходите к этой красивой паре, чтобы всячески помешать нашей прима, заполучить ещё одного поклонника. Вы - Белов тоже влюблены в Князеву.

Белов. Так, понятно. (Тихо повторяет для себя.) Я влюблен в женщину, слева. Это надо не забыть.

Мышкина (возмущенно). Как Белов тоже влюблен в Князеву? А на каком, собственно говоря, основании! Ей что одного Седова - мало.

Змеев. Что значит, мало!

Мышкина. Ну, я думала, что вы мне хоть Белова уступите. Не все же ей (указывает на Князеву). Нельзя, чтобы все мужчины в театре были бы только в ее распоряжении.

Змеев. Не забывайте, что в вас влюблен Высоцкий.

Мышкина. Тоже мне мужчину нашли. Не хочу я - Высоцкого!

Змеев. Вы что Мышкина драматургом стали, или может быть, себя постановщиком, словно в прекрасном сне видите. Мне все равно хотите ли вы этого мужчину или нет. Настоящее искусство требует человеческих жертв, а вам с Высоцким даже целоваться не надо.

Мышкина. Но я требую элементарной справедливости. Ведь я ни в жизни, ни на сцене не влюблена в Высоцкого, поймите.

Высоцкий. Баба с воза кобыле легче.

Гаврилов (тихо). Жеребцу.

Змеев. Какому еще жеребцу? Прошу не путать две разные постановки. Скачки – это из другой пьесы, а сегодня у нас светский раут.

Мышкина (не унимается). Ну, и что мне с Высоцким делать? Вы посмотрите на него. Он же снова пьян.

Высоцкий. Кто пьян? Я! Ах ты, крыса театральная.

Змеев. Что-то текст мне ваш Высоцкий совсем незнаком! Вы его, где нашли?

Высоцкий. У драматурга, в рукописи, черным по белому написано, что наша Мышкина, в конце концов, в самую настоящую крысу превращается.

Змеев (читает рукопись). Ну, что за почерк такой, убивать за него надо. (Постановщик не находит ничего похожего в роли Высоцкого.) Прекратите нести отсебятину. Повторяю, что спектакль – сказку я ставить отказываюсь, поэтому требую, все внимание к сегодняшней пьесе. Режиссерский деспотизм на сцене еще никто не отменял. Я заставлю вас всех повиноваться мне с полуслова. (Пауза.) О, неблагодарные и бездушные люди. Я черчу для вас размеры сцены, планы пола, стараюсь натолкнуться на случайность и от нее дальше пойти, в надежде найти важные сценические принципы. Я пишу для вас мизансцены, особые планы для всех уходов, выходов, переходов. Описываю декорации, костюмы, грим, текстуру, привычки, весь изображаемый мир. И что, я получаю взамен. Одна актриса мне открыто заявляет, что она, видите ли, не хочет актера Высоцкого, а артист в свою очередь называет ее - жабой.

Высоцкий. Не жабой, а крысой.

Змеев (Высоцкому). Постеснялись бы. Я вот ни одной сказки не помню, в которой театральная крыса превратилась бы в красивую принцессу, а вот из лягушки, то есть жабы, такое превращение возможно. Видите, насколько я уже опередил ваше сознание, когда вы не подумав, сказали, а я уже правильно вас поправил.

Высоцкий. А мне бы такую найти сказку, куда можно было навсегда заключить Мышкину, без права ее обратного превращения в человеческий облик.

Мышкина. И этого мужчину я должна полюбить... немыслимо. А мне так хочется, дать ему сейчас этой бутылкой по голове, что прямо руки чешутся. Ну, почему на сцене убивают всегда театрально? Здесь даже бутылки и ножи бутафорские. Как бы я всадила в тебя нож Высоцкий, как в масло!

Змеев. Какое еще масло! Я запрещаю вам Мышкина убивать актера Высоцкого в день премьеры.

Мышкина. Только из уважения к вашему таланту Высоцкий не умрет в день премьеры.

Змеев. И на том спасибо.

Мышкина. Он умрет в другой день... как собака... уж в этом я вам, не как актриса, а как женщина, клянусь.

Змеев. Нет, женщины действительно погубят театр, если уже не погубили. Повторяю, вам еще раз, Мышкина, что в вас влюблен Высоцкий, и это не значит, что вы должны дарить ему себя, налево и направо во всех темных уголках задника. Но и навязываться ему при всех тоже не следует. Неужели каждую сцену я должен так подробно разбирать. Мы же сейчас репетируем пьесу известного драматурга, а не пособие по Кама сутре!

Высоцкий. А жаль!

Мышкина. Вот теперь мне все понятно, чтобы мы разбираем с вами очередную позу любви.

Змеев. Ничего подобного. Мы репетируем пьесу драматурга.

Мышкина. Ах, все-таки пьесу. Ну, теперь действительно мне все понятно.

Змеев. Что вам понятно?

Мышкина. Что смерть Высоцкого лишь откладывается. Но то, что он будет убит на ложе любви, и я буду отомщена, не должно вызывать у зрителей никаких сомнений. Да?

Змеев. Нет, вы, что действительно решили погубить, меня в день премьеры? Именно сегодня должен наступить закат моей славной карьеры, что означает мою не только духовную, но и физическую смерть. Ну, зачем... зачем я только посвятил свою жизнь искусству!

Мышкина (немного успокоившись). Ваша смерть мне не нужна. Живите. (Пауза.) Так значит, я подхожу к Седову и Князевой в сопровождении....

Змеев (хвалит Мышкину). Умница моя, какая светлая голова.

Мышкина. В сопровождении... Белова.

Змеев (кричит). Дура! Причём здесь Белов. Забудьте про Белова раз и навсегда.

Мышкина. А как же Белов появится на нашем randevу без благородной дамы?

Змеев (нервно бубнит). Как надо, так и появится,... как рояль в кустах вам то, какое до этого дело. Белов найдёт в себе силы появиться в нужное время и в нужном месте.

(Обращается к Высоцкому). Вы зря голубчик пробуете унять свою жажду из этих бутылок.

Это все бутафория. Максимум, что вы найдёте в бутылке с французским коньяком – это чай.

Высоцкий (в ужасе). Чай! У меня от него изжога, не приведи Господи. А что помимо чая можно найти в бутылке от коньяка?

Мышкина (непринужденно). Яд. Надеюсь, от яда у тебя, Высоцкий не будет никакой горечи, только предсмертные конвульсии. Я прямо так и вижу, как ты с каждой секундой становишься все тише и тише, пока не замрешь навсегда. Аминь!

Высоцкий. Я вообще не понимаю, в чем вы все сейчас меня пытаетесь обвинить?!

Я только поправил бутылку, которая стояла на краю стола, и только то.

Змеев. Вы думаете, я не знаю, что вы позволили себе вчера выйти на сцену под шофе.

От вас разило так, что у женщин на первых рядах перехватывало дыхание, а кто-то даже терял сознание

Высоцкий. Поклеп. Наглая и ни чем не прикрытая театральная ложь. Это все интриги.

Чтобы я вступил на святую сцену под градусом. Никогда. Просто близко лежащим женщинам от сцены, пардон, сидящим женщинам, стало так неожиданно плохо, потому что они впервые в своей жизни столкнулись с настоящим талантом. Ведь согласитесь, каким бы коньяк выдержанным не был бы, но без должного опыта у любителя всегда от него голова разболится. Что же тут говорить о профессионалах!

Змеев. Каких профессионалов вы имеете в виду? А главное в чем?

Мышкина. В чем... тут всем, как раз и понятно. Как можно напиться до потери сознания.

Высоцкий (Мышкиной). Ну, жаба... погоди. (Обращается к постановщику). Я же профессиональный актер театра и кино. Ведь, как и на съёмочной площадке, так и на сцене я творю не роль, не пьесу, я творю искусство. Я ищу...

Князева. ...Бутылку.

Высоцкий (не соглашается). Я ищу образы, а где мне их искать прикажите, я вас спрашиваю, где их искать,... как не в жизни. Ну, и кто мне поведаст о своей судьбе без ста грамм. А если бы и рассказал, я бы ему все равно не поверил. Вот и приходится мне всю свою жизнь проводить в вечных экспериментах с чужими эфемерными образами, которые я так натурально переношу на сцену

Князева. От ваших эфемерных образов за километр разит. Нельзя же себя настолько отдавать искусству. Ведь оно может просто не выдержать вашей артистичной игры. Как вам не стыдно!

Змеев (обращается к Гаврилову). Как только актер Высоцкий подойдет к столику со спиртным, ты ему любезный, ничего не наливай. Обойдется!

Гаврилов. А когда он сам захочет себя обслужить, тогда как?

Змеев. Скажешь, что режиссер Змеев запретил ему - Высоцкому даже имитировать процесс выпивания на людях.

Гаврилов (говорит по-немецки). Abgemacht.

Змеев. Ты что в подлиннике решил пьесу, играть?

Гаврилов. Нет.

Змеев. Тогда причем здесь – этот твой Abgemacht.

Гаврилов. Abgemacht - переводится с немецкого, как договорились.

Змеев. Не учи меня. Я знаю немецкий язык, как впрочем, английский, французский, итальянский, португальский и даже латынь, потому что ставил спектакли в подлиннике во все исторические эпохи, для всех народов мира.

Седов (восхищенно). Вы что и латынь знаете?

Змеев. Да, знаю.

Седов. Может быть, вы спектакли и в Колизее, после боев гладиаторов ставили?

Змеев. Да, ставил. А что вас так удивляет?! Неужели я так плохо выгляжу, что мне и двух тысяч лет не дашь.

Седов. Нет, но всякой правде есть разумные границы.

Змеев. Лично меня о спектакле римский император не просил. Но хочу заметить, что латынь – это государственный язык Ватикана. Так что вы меня на враках не поймали.

Высоцкий. Когда поймает, хуже будет.

Змеев. Не поймаете. Так, теперь на очереди вы – Высоцкий. Объясните мне, что вы делаете на сцене?

Высоцкий. Честно?

Змеев. Как на духу.

Высоцкий. Не знаю. Мне сказали выйти, вот я и стою.

Змеев. Наверное, это театр сумасшедших и я тоже уже сумасшедший.

Высоцкий (озарен). Теперь и я все понял.

Змеев. Неужели?! Не прошло и полгода.

Высоцкий. Как только Седов вручит бокал с шампанским своей даме сердца, я, не дожидаясь Мышкиной, подбегаю к Князевой и... отбираю у нее бокал.

Змеев. Зачем?

Высоцкий. Так как мне самому запрещено брать бокал со стола, то я решил найти другие артистические подходы к разрешению поставленной передо мной задачей.

Змеев (кричит). Такой задачи я перед вами не ставил.

Высоцкий. Не ставили? А как же работа над собой!

Змеев (берется за голову). Боже мой! Сколько раз мы репетировали эту сцену, а в конце од но и тоже. Вы что, меня Высоцкий до состояния аффекта решили довести?

Высоцкий. Прямо не роль, западня какая-то. Уж я и так ее, и эдак, а она не дается мне, хоть плач. Я думал, что благодаря фужеру в моих руках на меня быстрее снизойдет вдохновение, и я познаю всю глубину, весь трагизм своего положения, и потрясенный научу Седого, как надо правильно держать стакан в руке.

Мышкина (ухмыляется). Как будто он и без тебя этого не знает. Он же притворяется.

Седов (Мышкиной). Ну, змея подколотная. (Обращается к Высоцкому.) С чего ты решил дружище, что я не знаю, как надо правильно держать бокал в руке?

Высоцкий. Да - это сразу бросается в глаза. Неужели можно так легко, так равнодушно отдать бокал в чужие руки, пусть это даже цепкие пальчики Князевой. У тебя же рука ни разу не задрожала, ни один мускул не дрогнул на твоём глупом лице. Театр – это тебе, не кино, в котором возможны многочисленные дубли. На сцене, передача фужера происходит одномоментно, а значит навсегда, и переиграть его уже не возможно. Это же трагедия!

(Пауза.) Вы согласны со мной, господин постановщик?

Змеев. Пожалуй.

Высоцкий. Разрешите для вас, и всех присутствующих, я покажу сейчас, как это правильно должен сделать, Седов!

Змеев (рассеянно). Ну, покажите.

Высоцкий нервно выхватывает два бокала из рук Седова, ставит их на стол, трижды крестится, а затем высоко, словно олимпиец поднимает два бокала над головой, и быстро через всю сцену несет бокал для Князевой. Но, не выдержав внутреннего напряжения, он выпивает на ходу, свой бокал и своей партнерши.

Змеев. Почему вы - Высоцкий выпили бокал, предназначенный для Князевой?

Высоцкий. Это все жажда во всем виновата. Она проклятая.... Но хочу заметить, что для меня шампанское, как вода... сладкая.

Змеев. Отчего же у вас такое кислое выражение лица?

Высоцкий. Так шампанское... шипучка... кислятина.

Змеев. Да, сегодня меня ждет грандиозный провал. (Говорит тихо.) Впрочем, как и всегда. Фини та ля комедия.

Князева (успокаивает постановщика). Да, не расстраиваетесь вы так, все будет хорошо. Вот увидите.

Высоцкий. Или очень... очень... очень... плохо.

Князева. Не слушайте его. Премьера пройдет замечательно.

Змеев. Только на вас душечка уповаю, да, на бога. На Белова у меня тоже надежды есть, правда слабые. А где, собственно говоря, Белов?

Седов. Только что был здесь. Куда он мог подеваться, просто ума себе не приложу?

Змеев (кричит). Белов! Белов! Где Белов?

Белов (из темноты). Я здесь.

Змеев (удивленно). Что вы делаете Белов в зрительном зале?

Белов. Маскируюсь.

Седов. Для чего?

Белов. Чтобы поэффектнее выйти на сцену.

Высоцкий. Ты бы лучше с трапеции сверху вниз сиганул. Эффект был бы просто сногшибательным.

Гаврилов. Или из театрального люка вылез. Там много всякой нечисти.

Змеев (обращается к Высоцкому и Гаврилову). Все внешние постановочные возможности этой пьесы, как впрочем, и всех других, мной использованы до конца и в этой области вам нечего, искать. (Начинает откровенничать.) Помню, посадил я одного мелкого актеришку на трапецию, подняли его к куполу театра, так только на утро и вспомнили о нем... пока он сам, как снег на голову, мне не упал.

Гаврилов. На смерть?

Змеев. К сожалению... нет. На нем представьте ни одной царапины, ни одного перелома, а я до сих пор по ночам криком кричу. Нервный срыв – слышали о таком!

Высоцкий. Не только слышали, но имеем такое счастье, как наблюдать за историей этой болезни наяву. Правда, со стороны.

Змеев. Счастливыцы,... а я вот лишен такой уникальной возможности. Все-таки, чтобы стать актером, надо иметь необыкновенно везение и хоть немного ума. Вот я предложил как-то актеру Нечаеву свое гениальное постановочное решение, что для достижения полного эффекта неожиданности, ему лучше выйти из театрального люка на сцену. Так до сих пор там подлец сидит, и этот самый момент выжидает.

Гаврилов. Какой момент?

Змеев. Момент триумфа.

Высоцкий. Ну, тогда ждать ему и ждать.

Князева. Но ведь жалко. Человек же! Может, ему помощь наша нужна?

Белов (стучит по сцене пола). Эй, Нечаев выходи!

Нечаев. Не выйду!

Змеев. Бесполезно. Я и просил, требовал, угрожал ему, приманку ставил, а он ни в какую.

Сидит там и все! Одичал в конце. Зверюга. Правда, иногда в спектаклях появляется.

Вот до сих пор для себя решить не могу, заварить этот люк или как прежде, держать его

постоянно открытым.

Седов. Постоянно не надо. Я уже в третий раз за последнюю неделю в него попадаю, и с каждым разом мне все труднее вылезать из него.

Высоцкий. Так ты третий раз из театральной могилы выползаешь, а мы еще ни разу за твой упокой не пили?!

Змеев (Белову). Надеюсь, хоть вы свою роль знаете?

Белов. Конечно. Как всегда на зубок. Разрешите, я еще раз для всех повторю, что каждому надо делать, в этой многозначительной пьесе, которую написал столь мной уважаемый драматург и поставил такой талантливый постановщик – как вы.

Змеев (восхищенно). Разрешаю... вам все разрешаю. Сразу видна театральная школа, а дикция. Как вы сказали, такой талантливый постановщик как вы, то есть я?! Хм-м, не дурно. Мне бы таких хоть пяток актеров, как вы, и я бы страха, перед каждой премьерой не знал, и не торчал бы в этом захолустном театре, вот уже полгода. Ну, резюмируйте.

Белов. И так Князева строит свои женские козни и плетет красивую паутину, в которую попадает Седов. Но у госпожи Мышкиной есть свои виды на женское счастье, поэтому она молниеносно контратакует Князеву в сопровождении Высоцкого. Но женщины не хотят даже перед зрительской общественностью открывать свои изуверские планы в деле порабощения мужских тел на сцене. Поэтому всячески изображают близкие, почти дружеские отношения при одном отравленном поцелуи. Высоцкий по-прежнему без ума от Мышкиной, он даже не имеет никаких претензий к нашей центральной паре, а только лишь к содержимому их фужеров. Вот тут-то и появляюсь я. и начинаю свой преступный замысел, девиз которого звучит: всему хорошему помешать и все доброе расстроить. (Почти не слышно.) Значит, я по-прежнему ухаживаю за женщиной, находящейся ко мне с левой стороны.

Змеев. Превосходно.

Белов. Ну, а дальше, как учили и все больше по тексту.

Змеев. Браво.

Седов. Ну, хорошо у всех есть своя роль, а зачем Гаврилов стоит на сцене.

Змеев. Отвечай, Гаврилов. (Гаврилов молчит.) Может у тебя проблемы с дикцией, а, ну, открой свою пасть.

Гаврилов широко открывает свой рот.

Змеев. Да, пошире. Хм-мм. Язык на месте. Тогда смотри мне в рот. Видишь, что делает мой язык – ложится к корням зубов. И ты делай так же. Повторяй за мной десять раз.

Гаврилов. Что повторять?

Змеев (возмущенно). Ну, никто ничего не знает. Свою роль повторяй. Чучело!

Гаврилов мычит. Пауза.

Змеев. Очень странно. Может, и ты свою роль забыл?

Гаврилов. Ага... забудешь такую роль. Держи карман шире.

Змеев (бьет себя по голове). Ах, да вспомнил. Гаврилов играет сегодня, скажем, так не ключевую роль в нашем спектакле. Но как говорится, не бывает маленьких ролей, бывают лишь малые артисты.

Гаврилов. В моем случае подошло бы, другое сравнение, что не бывает маленьких ролей, а бывают лишь немые артисты.

Князева. Что ты этим хочешь сказать, Гаврилов?

Гаврилов. Только то, что слова в моей роли полностью отсутствуют. Их просто - нет!

Князева. Как, нет?

Змеев. Но позвольте, а такие восклицания как: ах, ох, ух, и чаевые, наконец.

Высоцкий. И «хи-хи-хи» и «ха-ха-ха» про них тоже не надо забывать.

Змеев. Совершенно верно.

Мышкина. Все-таки у Гаврилова какая-то странная роль?

Змеев. Что же тут странного? Все как в жизни. Где вы видели говорящих официантов? Общаться с людьми этой профессии совсем не обязательно. Достаточно одним жестом показать свои истинные намерения.

Высоцкий. Представляю, себе, эти жесты. Один красноречивее другого.

Высоцкий изображает из себя немого, который изъясняется при помощи рук. Его жесты мягко сказать, не культурны.

Гаврилов. Вы забыли еще упомянуть о таком таланте официанта, как ловкость в откупоривании бутылок.

Змеев. Я боюсь, что и с этой ролью тебе не справиться. Вот, я хочу закурить, например, какими будут твои действия?

Змеев подходит к Гаврилову, который берет в руки настольную зажигалку. Но она вдруг вспыхивает большим огненным свечением и Змеев чуть не сгорает живьем.

Змеев (сбивает с себя языки пламени). Ну, что я говорил! Гаврилову зажигалку доверить нельзя, а тут роль, да, еще со словами.

Князева. Вы несправедливы. С кем не бывает. Пусть он откроет бутылку шампанского для вас. Я, почему-то верю в его талант.

Змеев (соглашается). Хорошо. Будь, по-вашему. Гаврилов налей мне бокал шампанского.

Гаврилов. Может рюмочку коньяка?

Змеев. Нет, шампанского.

Гаврилов. Но коньяк пять звездочек. Рекомендую.

Змеев. А мне наплевать на твои рекомендации. Шампанского и точка.

Гаврилов. Сей момент. Не извольте, беспокоиться.

Гаврилов долго возится с бутылкой, наконец-то, ему удается ее открыть, и тем самым, окатить постановщика с ног до головы шампанским.

Змеев. Ну, знаете - это уже слишком. То, я чуть не сгорел, так теперь ты решил утопить меня.

Высоцкий. Какое неслыханное злодеяние утопить постановщика в шампанском! Как будто воды в унитазе уже не достаточно!

Змеев. Высоцкий, я все слышу. (Обращается к Гаврилову). Ну, зачем,... зачем я доверил Гаврилову такую важную роль. Он же все провалит. (Пауза.) Суфлер на месте?

Стуков (из своей кабинки). На месте.

Змеев (Стукову). Прошу вас не комкать роли артистам. Вы читаете текст жатым и напряженным голосом, и вам невольно начинают подражать артисты. Допускайте больше разнообразия, а главное никаких стереотипов.

Стуков. Может, распустим всю труппу, и я один буду играть, спектакль.

Змеев. Представляю себе, как зрители сидят в зрительном зале и два часа смотрят на пустую сцену.

Высоцкий (Змееву). А в этом что-то есть! Я бы на вашем месте попробовал!

Змеев (с подозрением на гениальность). Я и сам знаю, что в этом что-то есть. Только не разобрался, в чем здесь - фишка. Надо на досуге, подумать. Так суфлер, я пока запрещаю вам играть все роли подряд. Вы по-прежнему приходите на помощь артистам, с текстом. Только Гаврилову никаких поблажек. Пусть сам отдувается, как может. Он думает, что он гвоздь программы. Что ж на этом наша последняя репетиция закончена, с чем вас всех и поздравляю.

Высоцкий. Не понял. С чем вы нас поздравляете?

Змеев. С тем, что я все-таки дожил до премьеры, несмотря на то, что некоторые жаждали моего суицида.

Высоцкий. Тут соболезновать надо, а не поздравлять!

Змеев покидает сцену, актеры остаются на ней. Они еще проигрывают мизансцены, не обращая внимания на Гаврилова.

Князева. Значит, я попадаю на сцену из двери справа. Затем в центре сцены встречаюсь с вами Седов. Вы приносите, мне шампанского. После этого я сажусь в кресло, то, которое ближе ко мне слева, и вы забавляете меня своими солдафонскими шутками.

Гаврилов. Вот я знаю, такую одну. На сцене пройдет просто, на ура. Тут и мертвый засмеется.

Седов. Тебя вообще никто не спрашивает. Протри лучше бокалы от пыли.

Гаврилов. Что мне их протирать, когда я их только что шампанским обмыл!

Седов. Вечно у тебя все верх ногами. Одна роль без слов чего стоит, а тут еще две, да, какие!

Гаврилов. Не понял. Какие еще две роли?

Седов. Роли просто божественные: одна Прометея, другая Посейдона. И какую ты лучше из них сыграл до сих пор не пойму.

Высоцкий. Роль Прометея мне пришлась больше по душе, а вот проливать шампанское на пол – это грех. Кошунство. Правда, в бутылке я вижу, еще кое-что осталось. Пью за вдохновение (пьет из бутылки).

Князева. Может не надо, а то начнете ещё вовремя выступления икать.

Седов. Ну, разве Высоцкий осел, чтобы подражать этому упрямому животному. И еще коллега, прежде чем самому пить шампанского, надо для начала предложить его всем, хотя бы для приличия.

Высоцкий. Да, что тут предлагать. Всего два глотка. Даже неудобно как-то... за вас (выпивает все).

Мышкина. Да, Высоцкий ты не осел, - ты самая настоящая свинья.

Князева. Странно, что шампанское не бутафорское. Кто интересно его принес?

Белов. Не я.

Высоцкий. Ну, уж конечно, не я. С моей-то жадностью к вдохновению.

Мышкина. Я тоже пас.

Все смотрят на Седова.

Седов. Что вы на меня уставились. Нет, повода, чтобы вас угощать. (Говорит в сторону.) Вы мне и так осточертели.

Князева. Тогда откуда спиртное взялось на сцене? Не могло же оно само по себе появиться. Может, суфлер знает? Надо бы его спросить.

Белов. Он уже смылся из своей собачьей конуры.

Высоцкий. Кто же та волшебница или фея, которая подумала обо всех нас? Ах, я знаю - это сама Мельпомена спустилась с неба и захватила раз, два (считает) семь бутылочек шампанского. Эх, жалко, не ящик.

Мышкина. Ну, какая еще Мельпомена. Где ты ее видел?! Скорее всего, наш режиссер-постановщик решил отметить, свой будущий успех. Больше покупать настоящее французское шампанское некому.

Гаврилов. Это шампанское принес я!

Князева. Ты?

Седов. С чего бы это!

Высоцкий (радостно). Костя, друг.

Мышкина. С каких гонораров такие расходы?

Гаврилов. Вот, двадцать лет копил, чтобы сегодня отметить круглую дату, моей жизни в искусстве.

Князева. Неужели двадцать лет?

Гаврилов. День в день. И тогда и сегодня - это была пятница.

Высоцкий (игриво). Надеюсь, пятница не тринадцатое!

Седов. Ну, и почему ты раньше нам ничего не сказал?

Белов. Мы бы сами все организовали.

Высоцкий. Не слушай их. Поминальный бы стол они тебе организовали: ни больше, ни меньше. Траурные речи, тосты, вставания, венки, и вынос тела вперед ногами. Перед этим еще переругались бы за каждую копейку. А так сам себе голова. Молодец, что все на спиртное потратился. Закуска на годовщине всегда лишняя, ты уж мне поверь. А за двадцать лет театральной карьеры поздравляю!

Высоцкий открывает новую бутылку и разливает на всех.

Князева. Мне чуть-чуть.

Белов. Мне, полный.

Мышкина. Такой день, надо отметить.

Седов. Я вообще не буду.

Высоцкий. Ну, и не надо, нам больше достанется.

Седов (оправдываясь, ощупывает правую сторону грудной клетки). Просто мне нельзя. У меня же больное сердце.

Высоцкий. У тебя печень больная, а не сердце.

Белов. Значит, с постановщиком можешь пить, втихоря, а с нами брезгуешь.

Высоцкий. С его величеством выпить не хочешь!

Седов. С каким еще Величеством?

Высоцкий. С его Величеством – характерным актером. Вот сколько лет я тебя знаю Гаврилов, и скажу тебе при всех, что ты один любишь роль в себе, а не себя в роли.

Жаль, что нашему юбиляру так никакой стоящей роли и не выпадало.

Седов. Не бывает маленьких ролей...

Высоцкий. Знаем... знаем. Не бывает маленьких ролей, а бывают просто никакие.

Официанта, например.

Высоцкий открывает следующую бутылку и разливает уже на двоих, себе и Гаврилову.

Все другие - отказываются.

Седов. Ну, так что, если официанта! Бывают роли и похуже.

Высоцкий. Бывают... не встречал. Вот ответьте мне все на вопрос, кого играет в сегодняшнем спектакле актер Гаврилов?

Князева. Официанта.

Седов. Слугу.

Белов. Сферу услуг.

Мышкина. Мужчину.

Высоцкий. Самый близкий ответ по смыслу был у Мышкиной. Но тоже как говорится больше в молоко, чем в яблочко. Ну, Гаврилов хоть ты скажи, кого ты сегодня играешь?

Гаврилов. Пятую ножку от стола я играю, вот что!

Высоцкий. Умница моя. Дай я за это тебя поцелую (целует). Видишь Седов, в какую глубину роли Гаврилов окунулся, а ты слуга. Трагедия этой роли в том и заключается, что пятая ножка столу совсем не нужна. Он и на четырех стоит, так как дай нам бог, на двух стоять, не перестоять. Человеческой, актёрской нужности не видно за всем этим мужским телом, и это Гаврилов понял, поэтому и окатил постановщика сегодня шампанским.

Гаврилов. Но я не жалею. Видно так мне судьбой суждено. Чему быть того не миновать.

Высоцкий (передергивает). Суждено... не миновать. Ты что Гаврилов — жертва? Вот открой третью бутылку, и я тебе тогда все скажу. (Гаврилов открывает третью бутылку.) Может, хватит Гаврилов тебе из себя святого изображать. Ну, сколько можно чистеньким ходить?

Да, разозлился ты на всех нас, хоть разок, кулаком ударь по столу, топни ножкой на сцене, зубы покажи. А ты рот свой перед постановщиком широко раскрываешь. Да, тебе плюнуть надо, было в его пасть и дело с концом. (Пауза.) Вокруг тебя - звери, которые роль твою с руками у тебя же и отгрызают, топчут тебя, презирают, да, еще и сплетни о тебе распускают! Гаврилов (стыдливо улыбается). Но ведь театр – храм искусства.

Высоцкий. Тебя со света сживают, а ты про храм искусства, талдычишь. Кому? (Указывает на всех присутствующих актеров). Им!

Мышкина пытается, отобрать бутылку у Высоцкого, но он начеку.

Высоцкий. Вот, Седов, первый в рот в постановщика смотрит; тот еще слово сказать не успеет, а он уже ему аплодирует. Что, не так?

Седов. Вранье.

Высоцкий. Ты не просто аплодируешь, ты долгими и продолжительными овациями приветствуешь Змеева. Даже на чтениях роли встаешь по несколько раз.

Седов. Я преклоняюсь перед его талантом.

Высоцкий. Вот только трагика из себя не строй. Для трагика главное голос... голос... и ничего больше, голоса. А у тебя, его нет. Утратил ты его, каждый раз советуясь с новым режиссером. Ты его променял на чужое мнение, каждый раз подстраивая его под кого-то, вот он и приказал долго жить. Ты его потерял навсегда.

Седов. Негодяй!

Высоцкий. А посмотри на Мышкину. Ведь все сплетни, которые муссируются в нашем театре – это дело ее рук. У нее везде свои уши, глаза и другие части тела.

Мышкина. Я никогда не унижусь до такого.

Высоцкий. Тебе унижаться как раз и не надо – ты же унижаешь других. Кто распространил сплетню в театре, что я лечился от алкоголизма и в одной пижаме на босую ногу бежал из психиатрической больницы. Кто говорил, что Гаврилов всегда молчит на сцене, потому что собирает досье на каждого из нас. Кто трубит во все концы, что у постановщика с Князевой очередной роман. Не ты?

Мышкина. Нет, не я.

Князева. Маша - это правда?

Мышкина. Кому ты веришь!

Князева. Теперь мне все становится ясно.

Мышкина. Ну, и пускай. Почему все главные роли Змеев отдает только тебе, а не мне, например?

Белов. Потому, что она - Князева.

Высоцкий (говорит с Беловым). Вот здесь я полностью с тобой согласен. Она Князева, а вот ты - Белов. Ты приспособил себя к карьере, свой талант к требованию публики, свой характер к желанию антрепренера и всего себя к театральной дешевке. Тот, кто отравлен этим ядом, не может исцелиться. Значит, таким как ты надо указать на дверь и в три шеи выгнать из театра. (Кричит.) Белов – вон из искусства!

Белов. Меня выгоняешь, чтобы себе место на сцене расчистить?!

Высоцкий. Считай, что твои последние слова я не слышал, потому что туг на ухо. Но скажу тебе, как на духу, что и меня тоже надо гнать из искусства, потому что выход на сцену для меня давно превратился в сплошную муку. Нет, большей радости для актера, как быть у себя дома на сцене, и нет ничего хуже, как быть гостем на ней.

Мышкина. Ну, что всех облил грязью, ни кого не забыл?!

Высоцкий. Твоя, правда, матушка про постановщика я совсем забыл. Но о режиссерах нового типа скажу немного, потому что они все вдруг сделались постановщиками, превратившими артистов наравне с мебелью в бутафорские вещи и вешалку для костюмов. В пешки для передвижения их по своим мизансценам. (Пауза.) Ну, что ты Гаврилов все время молчишь? Я же не могу один за тебя говорить!

Гаврилов. Что говорить?

Высоцкий. Так ты, что согласен, быть пешкой на сцене в руках постановщика, и он может по своему усмотрению, тебя продвинуть вперед, а завтра пожертвовать тобой в угоду своего непредсказуемого характера?!

Гаврилов (пожимает плечами). Не знаю.

Высоцкий. А я знаю, что ты один можешь играть с Князевой наравне, и даже больше, точнее, выразительнее. Но твой талант — он бесхарактерный какой-то! И ни какой ты не гвоздь программы. Ты действительно - пешка и пить с тобой, я отказываюсь.

Князева. Вот и, слава богу. Хватит. Через час спектакль. Пора расходиться.

Высоцкий. Кто сказал, что я пить не буду. Это я с театральными покойниками: никогда не пил, не пью, и пить не собираюсь.

Все расходятся. На сцене остается один Гаврилов.

Гаврилов (говорит сам с собой). Ну, поздравляю тебя, Константин Иванович. Сподобился. Дожил. Вот тебя уже и окрестили: гвоздь программы, пешка, театральный покойник. И это и есть твои главные роли, а значит, и все твоя жизнь в искусстве. А, сцена, как была, так и осталось непревзойденным чудом. Только ты своего чуда на ней, так и не сумел сотворить. (Пауза.) Когда я впервые вступил на нее, то почему-то думал, что буду повелевать всеми, а повелевают только мной. Мечтал, захочу, все будут смеяться, захочу плакать, а вышло все наоборот. Плачу все больше я - только без слез. Двадцать лет как белка в колесе, и ни на шаг не сдвинулся с места. Меня по-прежнему никто не знает. Сколько лет я ставил свой голос, чтобы, в конце концов, играть роли без слов?!

Ах, дайте мне хоть одно стильное кресло, грезил я, вокруг которого я найду бесконечное количество поз и движений для выражения святого чувства. Но мне и этого не позволено было сделать. (Пауза.) Какой поэтической была и остается жизнь кулис. Как красивы, как причудливы углы задней стороны декорации, с неожиданными бликами света, от повсюду расставленных щитков, прожекторов, волшебных фонарей. Здесь – синий, там красный, там - фиолетовый. Бесконечная высота и мрак сверху, таинственная глубина внизу, в люке.

Как живописны группы ожидающих выхода артистов в их пестрых костюмах из разноцветных матерей. А в антракте яркий свет бешеное движение, хаос, работа. Слетающие сверху и улетающие наверх живописные полотна с горами, скалами, реками, морем, безоблачные облака и грозowymi тучами, райскими растения и адским пеплом. Скользящие по полу огромные красочные стены павильонов, рельефные колонны, арки, архитектурные части. И повсюду шум крик, нервная атмосфера, все смешалось. Вся сцена обнажилась до того, чтобы из создавшегося столпотворения все снова постепенно пришло в порядок и создало новую стройную гармоничную картину. Проклятая работа. Ненавижу!

Стуков (говорит из своей суфлерской будки). Костя, ты?

Гаврилов. Я

Стуков. Что с тобой?

Гаврилов. Все в порядке. Роль, разучиваю.

Стуков. Что-то монолог я никак не вспомню! Из какой пьесы? Где искать мне его?

Гаврилов. Не ищи понапрасну.

Стуков. Почему?

Гаврилов. Потому что роль для этой пьесы написал я, и играть ее тоже, буду я.

Стуков. Один?

Гаврилов. Почему же один? Как раз со всей театральной клумбой артистов.

Стуков. Партнёры знают свои роли?

Гаврилов. Нет.

Стуков. Как же это так, Костя? Не по-людски!

Гаврилов. На сцене людей – нет, и не может быть. Здесь все - актеры, и что такое театральный экспромт знать обязаны.

Стуков. Может, стоит их предупредить?

Гаврилов. Нельзя дружище, не то они откажутся играть со мной, ты уж мне поверь. Своих партнеров я слишком хорошо знаю. Но и сейчас наши шансы не равны, потому что я буду играть с чистого листа, а за их спинами и постановщик, и драматург, многолетний опыт, и оглушающий успех. Хочешь, присоединяйся к нам. Сколько можно театральную пыль глотать? Выйди из мрака. Пусть хоть раз на тебя все посмотрят.

Стуков. Нет, поздно. Привык я здесь. А за приглашение, выйти на сцену и сыграть с тобой, спасибо. Я, на сегодня, не нужен?

Гаврилов. Нет.

Стуков. Тогда я домой пойду. Может, увижу еще заходящее солнце.

Гаврилов. Иди, родной. Привет, солнцу!

Стуков уходит.

Гаврилов (говорит о суфлере). Вот настоящий рыцарь театра без страха и упрека.

Когда только взглянешь в конуру суфлера, вспомнишь средневековую инквизицию. Этот мученик обречен в театре на вечную пытку, от которой просто страшно становится за человека. Грязный ящик вроде собачника, обитый пыльным войлоком. Половина туловища суфлера погружена в подполье сцены с подвальной сыростью, другая половина туловища его – на уровне пола сцены – подогревается с обеих сторон раскаленными лампами рампы. Вся пыль при раздвигании занавеса, при шмыгании женских юбок о пол сцены летит в рот мученика – суфлера. Он говорит сжатым, часто напряженным голосом. Три четверти из них кончают чахоткой. Он, как и актеры по месяцам не видит солнца, потому что мы встаем поздно, так как взволнованные вечерними спектаклями, поздно засыпаем, спешим на репетицию, целый день репетируем в помещении без дневного света, а когда зимой, по окончании нашей дневной работы выходим на улицу, уже зажжены фонари. Я вот уже двадцать лет как урывками смотрю на солнце, и ради чего я вас спрашиваю, чтобы так и остаться безвестным статистом, который прожил всю свою жизнь на сцене, так ни разу не сыграв роли. Своей главной роли! Нет, должна же быть, хоть какая-то справедливость в этом мире! Теперь я стану режиссером сегодняшнего спектакля.

Гаврилов долго ходит по сцене и что-то обдумывает.

Гаврилов. Сейчас надо обязательно вспомнить, как Станиславский проделывал свои опыты с заправскими актерами, чтобы и мои комедианты заново пережили свои роли. Привыкли работать по актерскому штампу. Свыклись, чтобы все было на месте: и диван, и стол, и стулья, и каждая мелочь. В таком случае начнем: эта богатая мебель стояла справа перенесем ее налево, стулья стояли слева переставим их направо. Входная дверь находилась справа, переставим ее в центр, а на ее месте установим окно.

Гаврилов начинает быстро передвигать предметы по сцене. Все готово.

Гаврилов. И так, театральное действие со старыми и новыми мизансценами, начинается!

Гаврилов уходит со сцены, на ней гаснет свет. Вскоре снова вспыхивает, и, элегантно одетый официант стоит возле накрытого стола и ждет гостей. Первым на сцену пытается выйти Седов, но, видит перед собой окно. Он несколько озадачен нововведениями, не зная, как ему попасть на сцену. Официант указывает ему рукой в направлении двери. Седов открывает ее и оказывается на сцене. Он удивленно прохаживается по ней и смотрит на Гаврилова.

Гаврилов. Чем могу быть, вам полезен?

Седов. У меня странное ощущение. Как будто я ошибся адресом. Мне показалось, что я даже не туда попал. Все так неожиданно изменилось. Готов поклясться, что с правой стороны была дверь, а теперь там окно.

Гаврилов. Сколько себя помню, дверь всегда стояла посередине, а справа находилось окно.

Седов. Вы уверены?

Гаврилов. Абсолютно. Вам что-нибудь налить?

Седов. Пока, нет. Я, знаете ли, тут одну даму ожидаю. Вы ее не видели?

Гаврилов. Как ее фамилия?

Седов. Ольга Князева.

Гаврилов. Первый раз слышу. А вот кто-то пытается влезть в окно, не она ли? Пойду, помогу ей.

Седов. Не надо. Я сам.

Седов подбегает к раскрытому окну, за которым стоит Князева.

Седов. Ольга, ты забыла, что дверь на сцене находится в центре!

Князева (недовольно). С каких пор? Какой идиот тут все перестроил!

Гаврилов. Со времен царя гороха все стоит не тронутым.

По совету Седова, Князева отказывается от прямолинейного пути на сцену и входит через дверь.

Князева. Я, наверное, всего на всего заблудилась. Знаете, так часто приходится бывать на светских раутах, что просто кругом идет голова. Но у всех нормальных людей двери строят справа, и в редких случаях слева, но уж никак не в центре зала.

Гаврилов. Столько лет исправно служу, но ещё никто не предлагал перенести, дверь по своему усмотрению. Хотя, если вы согласны взять на себя все расходы, то хозяин был бы, я думаю не против.

Князева. Что значит взяла на себя расходы?! А вы, собственно говоря, кто?

Гаврилов. Кто я? (Пауза.) Вот вопрос вопросов, который занимает мое больное и изуродованное воображение. Но сегодня я именно тот, кто пригласил вас всех к себе.

Пожалуй, я и есть истинный владелец сегодняшнего великолепия.

Князева. Отчего же вы так странно одеты?

Гаврилов. Ну, могу я позволить себе причуду. Двадцать лет я скрывался под вымышленными именами и образами. И вот сегодня, я решил открыть миру свое истинное лицо. Может, выпьете?

Князева. Охотно. Такая, знаете ли, духота. Шампанского, пожалуй.

Гаврилов наливает бокал шампанского Князевой.

Гаврилов. А вот еще один гость, который рвется через окно, чтобы попасть на встречу с настоящим искусством!

Гаврилов берет стул, приставляет его к окну и помогает Мышкиной экстравагантным способом попасть на сцену.

Гаврилов. Ну, что за напасть сегодня такая, все норовят попасть в дом через окно.

Мышкина. Что, ты уже и говоришь?

Гаврилов. Разве мы знакомы?

Мышкина. Ты что Гаврилов, спятил?

Гаврилов. Вы меня с кем-то спутали. (В окно пытается влезть Высоцкий.) Кажется, ещё один гость к нам пожаловал. Все-таки придется зал перестраивать, не то в следующий раз с

потолка, гости полезут. Не ушиблись?
Высоцкий. Я чуть не убился.

Все стоят в растерянности, актеры тихо перешептываются.

Высоцкий. Ничего не понимаю. Тут должна была стоять дверь, а слева окно. Вот вздремнул на полчаса и такие перемены. Когда это постановщик все успел передумать, черт бы его побрал?

Мышкина. Не знаю. Я тоже все вижу впервые.

Седов. Мне кажется, что Гаврилов все сам и перестроил.

Мышкина. Как же мне теперь играть дальше?

Высоцкий. Куда я должен пойти?

Седов. Как предложить еще один бокал для Князевой, когда она уже выпивает из одного. Неудобно. Не дать же ей второй?

Гаврилов (подслушивает диалог артистов). Почему же не дать. Хотите, я сам предложу.

Князева (с нервным смехом). Не возьму я его, даже не просите. Я из ума еще не выжила, чтобы на светском рауте прогуливаться с двумя бокалами. Отдайте его лучше Седову, может, быть у него просветлеет в голове, и он начнет, в конце концов, ухаживать за мной. А я пойду и сяду в кресло с левой стороны, правда, оно уже перекачивало почему-то в правую сторону. Что творится! И кто это такой сильный, а главное такой умный, что дверь с окном переставил местами, мебель по своему усмотрению передвинул, а главное реплики свои не по месту направо и налево бросает.

Гаврилов. Действительно, кто бы это мог быть?

Князева. Просто ума не приложу.

Князева садится в кресло, Но даже это не может вывести Седова из прострации и Князева пытается его всячески растормошить. Она то стучит каблуками по сцене, то грозно смотрит на своего партнера, то откровенно подзывает к себе, как любимую собаку - к ноге. В конце концов, она сама предлагает свое общество своему партнеру по сцене.

Князева (обращается к Седову). Мне так скучно. Вы, кажется, хотели ко мне присоединиться. Говорят, что вы мастак рассказывать анекдоты.

Седов подходит к ней, но по-прежнему молчит.

Князева (пытается спасти ситуацию). Ой, кого я вижу, госпожа Мышкина! Как я рада тебя видеть. Какими судьбами?

Мышкина молчит.

Князева. Неужели ты не хочешь меня поцеловать?

Мышкина. Ах, да, ну, конечно же (целуются).

Вдвоем они ждут Высоцкого, но он к ним почему-то не подходит.

Князева. Какой у тебя застенчивый кавалер. Кто бы мог подумать!

Мышкина. Он не застенчивый, он... пьяный.

Князева. Не может быть, когда же он все успел? Ведь он только что пришел на светский раут.

Мышкина. Ну, когда Гаврилов отмечал свой двадцатилетний актерский юбилей.

Князева (удивленно). Гаврилов? Не помню такого!

Мышкина. Как же не помнишь, когда он вот, рядом с нами стоит.

К Мышкиной наконец-то подходит Высоцкий и пальцем указывает в сторону зрительного зала.

Высоцкий (тихо). Ты что несешь, Мышкина! Здесь же зрители!

Мышкина (опомнившись, обращается к Князевой). Ну, если ты никакого Гаврилова не знаешь, то, и я знать не хочу. Меня мужчины совсем не интересуют. (Смотрит на Высоцкого.) А то попадетсЯ тебе один такой, ни рыба, ни мясо, то рот свой не закрывает, то слово из него не вытянешь.

Высоцкий (подходит к Гаврилову). Плесни любезнейший, коньяка, мне что-то прохладно стало. Тут из всех углов, таким женским умом продувает, как бы и мне, эту заразу не прихватить.

Гаврилов. Не могу.

Высоцкий. Почему?

Гаврилов. Господин Змеев просил вам передать, чтобы вы к столу со спиртным на пушечный выстрел не смели бы, подойти. Понятно!

Высоцкий (икает). И-и-иа.

Мышкина (Князевой). А твой мужчина, почему молчит и ничего веселенького нам рассказывает?

Князева. Не знаю. Задумался, наверное, над тем, чтобы бы нам такое этакое рассказать, чтобы мы просто попадали на пол от смеха. Ну!...

Седов по-прежнему молчит.

Гаврилов. Давайте я вам театральную шутку расскажу.

Князева. Ну, расскажите... расскажите.

Гаврилов. В это сейчас трудно поверить, но первая постановка оперы «Кармен», великого Бизе в Париже, провалилась. Ничего не предвещало фиаско. Начался первый акт. Вышла Кармен, запела «Хабанеру», ... раздались аплодисменты. В начале второго акта зрители одобрительно приняли куплеты Тореадора. А потом повисла тишина. В третьем акте в зале слышались разговоры, шум, кашель. В четвертом опять потянуло ледяным молчанием, публика даже не шикала. Когда же занавес упал и Бизе выглянул в зал — там было почти пусто. Провал «Кармен» обсуждался всей Францией, пресса разразилась уничтожающими отзывами. Но композитор все же нашел в себе силы пойти на одно из следующих представлений. Но лучше бы он умер на первом представлении! На сей раз исполнитель партии Хозе, забыл свой кинжал. Наступает развязка, он должен уже убить Кармен..., а нечем! Бизе смотрел, как Хозе мечется по сцене, наконец, не выдержал и крикнул в отчаянии: «Да задуши ты её, и дело с концом».

Мышкина (театрально смеется). Ах, как смешно.

Князева. Мне же совсем не до смеха.

Седов (тихо переговаривается). Что же мне дальше делать?

Мышкина. А я знаю?!

Высоцкий (по-прежнему икает). И-и-иа.

Князева. Где Белов?

Высоцкий. И-и-иа.

Седов. Не имею ни малейшего представления.

Мышкина. Само ликвидировался.

Высоцкий (указывает рукой в сторону зрительного зала). И-и-иа

Белов (выходит из зала). А вот и я. (Смотрит на женщин, которые сидят справа, и никого нет слева). (Тихо говорит.) Ну, и к кому мне сейчас приставать? Все сгруппировались справа, и только Высоцкий стоит слева. Что мне к нему клинья подбивать?

Седов (обрадовано). Сколько лет, сколько зим. Где ты так долго пропадал?

Мышкина. Да, а где он все это жуткое время пропадал?

Князева. Ведь мы беспокоились о вас, жестокий вы человек.
Мышкина. Чуть с ума не сошли, а ему бы хоть бы хны.
Белов. Меня, знаете ли, узнали в зрительном зале, пришлось дать несколько автографов, и одновременно назначить два свидания. А что не так? Что это вы сегодня какие-то странные?
Седов. И он еще спрашивает. Ну, нахал.
Высоцкий (машет в сторону Белова кулаком). И-и-иа.
Мышкина. Ни стыда, ни совести.
Князева. Все-таки надо быть пунктуальнее.
Белов. Ну, опоздал, с кем не бывает. Так у меня уважительная причина есть.
Мышкина. Ой, не смешите меня. Два свидания не могут быть, уважительной причиной.
У меня, их в молодости было три, но я всюду успевала.
Князева. Опоздания в театре не допустимы, тем более на спектакль.
Белов (осматривается). Миленко у вас. И официант, такой важный.
Седов. Это никакой не официант?
Белов. А кто?
Седов. Хозяин-с.
Белов. А что прежнего постановщика уже вышибли?
Мышкина. Типун вам на язык.
Белов. Так как же это могло случиться, чтобы Гаврилов на сцене стал хозяином.
Князева. Ну, каких чудес на земле не бывает. (Обращается к Гаврилову.) Налейте мне еще бокал шампанского. А то уже я сама начинаю в себе сомневаться: играю ли я сейчас или живу на сцене. Все смешалось в моей бедной голове.
Мышкина. И не говори, подруга. Такие мужики в последнее время пошли не далекие, что просто ужас. Ведь мы давно все договорились, что не знаем никакого Гаврилова, как нате... снова Белов воскресил покойника. Ох, Белов, Белов, а еще на два свидания собрался.

Гаврилов сам щедро угощается и предлагает всем желающим выпить по бокалу шампанского. Все следуют его примеру, только Высоцкий отказывается от спиртного и громко икает.

Гаврилов (говорит о Высоцком). Что-то гость мне этот совсем не нравится. Может, испугал его кто-то?

Седов. Ни в коем случае. Он просто так неординарно радуется, чувства свои выражает.

Белов. Как бы ему не помешаться от счастья. (Смотрит за кулисы) Ему бы сейчас врача.

Змеев (вбегает на сцену). Я врач! Кто больной?

Гаврилов. А вы гость, откуда взялись? Ко мне входят либо в дверь, либо в окно, а вы прямо из капитальной стены появились.

Змеев. Какая разница, как я появился. Главное, что я стою на сцене в роли врача. Надеюсь, всем все понятно. Кто болен, я вас спрашиваю?!

Гаврилов. Пока никто на свое здоровье не жаловался.

Змеев. Именно, что пока. Болезнь лучше всего предупредить, прежде чем она пустит свои метастазы на театральной сцене. И вообще, по какому случаю, празднуете? На свете эпидемия свиного гриппа, а вы тут сгруппировались на двух квадратных метрах. Это же опасно для жизни!

Гаврилов. Выпить хотите, врач?

Змеев. Да... то есть, нет. Я сейчас нахожусь при исполнении своих драматических обязанностей. Нельзя. Да и настроение сейчас не то... Просто хочется рвать и метать... рвать и метать. (Обращается к Гаврилову.) Вы случайно не больны?

Гаврилов. Случайно, нет.

Змеев. А я уверен, что вы нуждаетесь в стационарном уходе? За кулисами!

Гаврилов. Я абсолютно здоров. Вы лучше, Высоцкому помогите.

Змеев. Сначала я окажу помощь вам, а затем и всем остальным. Я же на веки связан клятвой

Гиппократ – «не убий». То есть, не навреди.

Мышкина (от страха запинаясь). Вы такой умный режиссер... постановщик... то есть я хотела сказать... врач.

Змеев. Что здесь, в конце концов, происходит?

Гаврилов. Сабантуй.

Змеев. Что!

Князева. Мы сегодня собрались здесь, чтобы отметить двадцатилетний юбилей, никому не известного актера Гаврилова.

Змеев. Где суфлер?

Гаврилов. Я его отпустил.

Змеев. Значит в честь неизвестного, роль которого вы исполняете со сцены, вы и решили споить всю труппу на глазах изумленной публики?!

Гаврилов. Юбиляр просил позабавить вас своей историей, как он стал артистом.

Змеев. А был ли он артистом на самом деле?

Гаврилов. Меткое замечание. Поэтому перефразирую историю Гаврилова: «Когда он еще был артистом». Повествование буду вести от первого лица, уж не обессудьте!

Мышкина. Ну, рассказывайте же, побыстрее про Гаврилова. Ведь до антракта осталось всего несколько минут.

Гаврилов. В школьной самодеятельности я никогда не участвовал, поэтому до сих пор ломаю себе голову, кто решил, что я могу наряду со всеми, со сцены, наизусть прочесть незамысловатый текст. Мне предстояло продекламировать всего восемь строк, посвященных траурной годовщине гибели поэта. На сцене стояло около дюжины моих сверстников, и каждый читал друг за другом свой отрывок. Помню, то, первое волнение, которое охватило меня, и я оглушенный и полуживой, пытался хотя бы понять, о чем говорят все эти... человеке, стоящие рядом со мной. Но на мое счастье, мне удалось совсем непринужденно прочитать первые четыре строчки, и я стал уже со страхом ожидать своего следующего выступления. Лишь сейчас я заставил себя взглянуть в зрительный зал, и обмер.

Ослепленный светом рамп я смотрел вдаль и видел знакомые и незнакомые мне лица.

Я ловил на себе их взгляды, и обратно возвращал в зрительный зал, и, то, не большое расстояние, которое отделяло меня от них, становилась с каждой секундой все больше и больше. Еще было время, чтобы перешагнуть через эту пропасть, и навеки остаться с теми, для которых я сейчас был простым чтецом. Но я все медлил, и с каждым мигом во мне росла уверенность, что это и есть, тот единственный мой берег, на котором я хочу, и должен остаться, чтобы найти свое истинное призвание в жизни.

Змеев. Так что, если бы не тот злополучный школьный спектакль, то, никто и не увидел вас на сцене?

Гаврилов. Никогда.

Змеев. Ох, уж эти мне любители – все искусство погубили.

Князева (обращается к Гаврилову). А те, оставшиеся четыре строчки вы дочитали?

Гаврилов. Дочитал. (Пауза.) Но больше благодаря той мертвой тишине, когда прерывается ритм повествования, и я своим остановившимся сердцем, вдруг почувствовал, что именно сейчас я и должен прочесть свои строчки. Всем показалось, что я сделал театральную паузу, а я просто до последней секунды ждал, что кто-то разорвет эту тишину своим голосом. Так впервые и единственный раз в моей жизни, меня поздравили с актерским успехом.

Князева. Что это были за строчки?

Гаврилов. Уже не помню. Лишь последнее предложение врезалось в мою память, которое звучала примерно так: «До смерти поэта оставалось ровно двадцать два дня».

Змеев. Как долго, оказывается, еще оставалось, но это мы сейчас поправим. (Убегает за кулисы).

Гаврилов пьет шампанское.

Гаврилов. Вот уже двадцать лет, как я являюсь свидетелем и статистом падения и утраты того вида искусства, который, и так, к сожалению, не долговечен. Мгновение и нет его, и тогда почему, я спрашиваю вас, мы не ценим его. Почему не защищаем, не отстаиваем, не умираем за него. Ведь во что сегодня превратился театр?...

Князева. Гаврилов, ты что напился?

Гаврилов. Ну, и пусть, имею право. Если бы вы только знали, сколько ролей я хотел сыграть. Сколько лет я в тайне репетировал их, и как я негласно страдал, когда моя роль доставалась другому. Ну, что ж говорил я себе, когда-то и на моей улице будет праздник. В своей далекой молодости я хотел играть героев-любовников, друзей, врагов, господ дуэлянтов, купцов, царей, богов. Но шли года и я менял свои представления.

Я становился мудрее, и другие образы волновали мое сердце. Мужей, отцов, сподвижников и соратников великих ролей, видел я себя. Но снова обделенный, я наблюдал, и переживал чужой успех, как свой собственный, и стиснув зубы ждал... ждал... и так двадцать лет. Моя целая жизнь прошла на этой сцене без ролей, поэтому сегодня я и позволил себе, сыграть свою придуманную и выстраданную роль-притчу.

Князева. Ты так говоришь, как будто хоронишь себя, Гаврилов.

Гаврилов (берется за голову). Я умираю. Седов!

Седов. Да, Костя.

Гаврилов. Учись не только у других, но главным образом у себя и искусство снова придет к тебе. Верь!

Седов. Придет?

Гаврилов. Обязательно. Мышкина!

Мышкина. Я здесь, Гаврилов.

Гаврилов. Всегда помни, что ты – актриса. От бога! Не позволяй сомнениям отравить твое существование, как это произошло со мной. Не страдай этим чувством. Но пусть твой язык отныне не знает недобрых слов, а голова навсегда прояснится от зависти.

Смело и прямо смотри в жизнь со сцены.

Мышкина. Клянусь тебе, Гаврилов. Теперь будет все только так.

Гаврилов. Белов! Где ты? Не прячься.

Белов. Я стою за тобой.

Гаврилов. Почему за мной? Ты должен всегда быть в центре сцены. Для этого у тебя есть все данные. И не надо запоминать актеров по месту нахождения их на сцене, их надо знать в лицо. Отныне ты должен быть в гуще событий и навсегда отказаться от актерских штампов, потому что они...

Белов. ...Потому что они больше говорят о бессилии актера, чем о его мастерстве.

Гаврилов. Правильно. Высоцкий!

Высоцкий (икает). И-и-иа.

Гаврилов. У тебя есть идеалы, за которые ты борешься и не миришься с существующим положением вещей. Bravo, ты - человек идеи!

Высоцкий Я?

Гаврилов. Да, ты. (Пауза.) Ну, вот и все.

Князева. Мне ты ничего не хочешь сказать, Гаврилов?

Гаврилов. Тебе ничего. Хотя... серьезной любви сколько угодно я желаю тебе, она тянет ввысь. Стреляйтесь ради мужчин, топите, умирайте. Но нельзя допускать мелкого поверхностного щекотания чувств – это создает атмосферу пошлости и тянет вниз.

Князева. Значит, ты действительно напился!

Гаврилов. Театральное искусство недолговечно, но зато оно самое неотразимое из всех искусств для современника. Какая сила! Его воздействие создается не одним человеком, а одновременно группой лиц – актеров, художников, режиссером, музыкантами и не одним искусством, а одновременно многими самыми разнообразными: драмой, музыкой, живописью, декламацией и танцами. Театральное воздействие воспринимается не одним человеком, а одновременно целой толпой людей, отчего развивается общее массовое

чувство, обостряющее моменты восприятия. (Пауза.)

Халтура – стала законным непобедимым общепризнанным злом для театра. Она портила спектакли, срывала репетиции, расшатывала дисциплину, давала артисту дешёвый успех, роняя искусство и его технику. Если искусство модно – оно не долговечно. Моя артистическая жизнь подходит к последнему акту. И вот сейчас я говорю, что на создание театрального искусства родившегося на сцене, которое живёт лишь одно мгновение, и как бы ни было оно прекрасно ему нельзя приказать остановиться. Я, действительно, умираю (с грохотом падает на сцену).

Мышкина. Гаврилов умер!

Седов. Какая непоправимая утрата для искусства.

Белов. Друг мой, соратник, учитель.

Высоцкий. И-и-иа.

На сцену вбегает Змеев с ружьём наперевес.

Змеев (кричит). Где он? Где он?

Князева. Кто он?

Змеев. Гаврилов. Я хочу, нет, я просто обязан его убить.

Князева. Он, кажется, действительно умер.

Змеев. Как это умер?! Кто ему позволил?!

Седов. Искусство.

Змеев. Не говорите ерунды. Гаврилов не имеет право, вот так взять и умереть. Пока я его не убил, он умереть не может. Не имеет право. Ведь на сцене я самый главный.

Мышкина. На сцене самый главный Гаврилов.

Змеев. Что за чушь вы сейчас мелите Мышкина. Кто вас этому научил?

Мышкина. Я сама.

Змеев. И тут Гаврилов мне дорогу перешел! Я убью его, если он даже и умер. Еще раз убью!

Гаврилов (поднимает голову со сцены). А я давно умер.

Змеев. Что значит давно, и трех минут не прошло, как я видел тебя еще живым?

Гаврилов. Я повторяю, что умер давно – двадцать лет тому назад. Все, нет меня. Прощайте!

Высоцкий, Седов и Белов поднимают Гаврилова со сцены и несут высоко на руках, как убитого товарища с поля сражения.

Змеев. Дайте я по нему, хоть один разочек из ружья пальну. Ну, пожалуйста!

Седов. Так оно же бутафорское.

Змеев. Раз в году и палка стреляет. Тут главное не промахнуться и отомстить за себя.

Седов. Куда его нести? Кто знает, где живет Гаврилов? (Все молчат.)

Князева. Тогда везите его ко мне домой.

Гаврилов (представляет себя в раю). Вот ангелы подхватили мою душу и понесли к небесам. Как хорошо!

Князева. Рай надо заслужить Костя, а тебе самая прямая дорога в ад. (Обращается ко всей труппе.) Завтра всех прошу ко мне.

Седов. Зачем?

Князева. Ну, должны же вы провести в последний путь своего друга, соратника и учителя. Обещаю сохранить ему жизнь, до вашего прихода. Только не задерживаетесь, а то не ровен час, и я сниму с себя ненавистную клятву, и задушу собственными руками, так и неизвестного мне актёра Гаврилова.

Конец первого акта

Занавес

Второе действие

Открывается занавес. Гаврилов спит в ночной женской рубашке на кровати и тяжело храпит. Справа стоит платяной шкаф и трюмо. Гаврилов просыпается.

Гаврилов. Ой, как мне плохо. (Осматривается вокруг.) Где я? (Пауза.) Наверное, в раю. Все-таки двадцать лет актерского стажа.

Гаврилов встает с кровати и медленно проходит по комнате. Останавливается рядом с зеркалом и смотрит на себя.

Гаврилов. Кто это? Неужели я. Жуть! Почему на мне женская ночная рубашка? Не помню. Ничего не помню.

Гаврилов открывает шкаф: начинает стаскивать, вешалки с женскими вещами и примерять на себя все подряд, при этом, он как будто, оправдывается перед собой.

Гаврилов. Когда-то в прошлой жизни я был артистом, и все подряд примерял на себя: плед, кусок материи, часть одежды, мужские и женские шляпки. Но ночную женскую рубашку еще никогда. Перед зеркалом я пропадал, чуть ли не сутками, потому что хотел познать свое тело. Его пластику, грацию, ритм, походку, движение, сексуальность (высоко поднимает ночную рубашку, чтобы осмотреть свои ноги).

Гаврилов слышит, кто-то идет. Он быстро бежит к кровати, ложится и с головой укрывается белой простыней. Вскоре он видит перед собой незнакомую женщину.

Гаврилов. Кто вы?

Князева (игриво). Черт!

Гаврилов. Правда?

Князева. Что не похоже!

Гаврилов. Не знаю, может вы с ним и на одно лицо.

Князева (возмущенно). Что-о-оо?

Гаврилов. Мне так невыносимо плохо, а вы еще кричите. Я лишь хотел вам только объяснить, что ни вас, ни черта, я раньше никогда не видел. Извините.

Князева. Ну, если ты раньше его не видел, то теперь пора с ним поближе познакомиться. Ведь я не простой черт.

Гаврилов. А какой?

Князева. Я женский черт.

Гаврилов. Что и такие чудовища существуют?

Князева. Сколько угодно.

Гаврилов. Какой ужас, а главное, как все не вовремя. Ведь у меня просто голова раскалывается и мучает жажда. Мне бы воды.

Князева. У меня шампанское есть. По случаю досталось после одной незабываемой премьеры, которая ночью превратилась в шабаш ведьм.

Гаврилов (стонет). Воды.

Князева. Может быть оперетив?

Гаврилов. Воды.

Князева. Вина!

Гаврилов (уже кричит). Воды. Чертова женщина! Я требую воды.

Князева. Ого,... мужчина уже не просит, а требует своего.

Гаврилов. Я вижу, что сфера услуг в вашем поднебесье, не очень то, отличается от земной

сферы обслуживания.
Князева. Я хотела бы...
Гаврилов. Воды!!!

Князева приносит в постель Гаврилову стакан воды. Он жадно пьет.

Гаврилов. Спасибо. (Пауза.) Вот теперь я должен сказать вам, что вы были не правы. Никакой вы не женский черт, вы...

Князева (нервно). Ну, кто я? Кто я?

Гаврилов. Вы - ангел.

Князева. Тебе показалось.

Гаврилов (потягивается). Как хорошо здесь. Скажите я уже в раю, да? (высоко ложится на подушку).

Князева. Нет.

Гаврилов. Ну, признайтесь же, что это рай!

Князева. Это ад для тебя, мужчина.

Гаврилов. Почему вы мне все время перечите! И где вы видели в аду такое белое постельное белье, такую мягкую подушку, и лебяжью перину? Вы что-то путаете. Вот раньше на земле – это был ад, а здесь райские кущи.

Князева. Как ты заблуждаешься Гаврилов, и мне тебя по-человечески даже жаль, Но женская гордость вопиет к отщепенству.

Гаврилов. Как вы сказали ангел – Гаврилов? (Пауза.) Да, меня когда-то звали, так на земле.

Но я против, чтобы всякую земную нечисть брать с собой на небеса. Я готов взять себе другую фамилию!

Князева. Какую? Может быть, Мышкин?

Гаврилов. Ну, почему же Мышкин! А что у вас здесь и мыши есть?

Князева. Есть.

Гаврилов. Безобразие. Надо завести кота или поставить мышеловку. Даже несколько.

Князева. Непременно. Сейчас. Только все брошу и пойду ставить капканы на мужчин, то есть на мышей. Но боюсь, что просто их не найду.

Гаврилов. Тогда вам непременно нужен кот.

Князева. И с котами такая задача.

Гаврилов. И что и кота, одного единственного — нет.

Князева. Есть. Но он кастрирован, может быть, поэтому как-то неохотно исполняет свой звериный долг.

Гаврилов. С этим вы погорячились. Сначала мышей изведите, а уж потом кастрируйте бедное животное.

Князева. Не учи меня Гаврилов, что мне надо делать в первую очередь, а что во вторую

Гаврилов. Все-таки несносный ангел мне попался. Все время он со мной огрызается и спорит. Можно вас поменять на другого ангела?

Князева. Можно. Но хочу тебя по-дружески предупредить, что следующий ангел будет хуже предыдущего.

Гаврилов. Да.

Князева. М-да.

Гаврилов. Мне бы одеться! Где моя новая одежда?

Князева. Еще не успели, завезти.

Гаврилов. Не успели, значит. Плохо. А где старая?

Князева. На балконе сохнет.

Гаврилов. Понимаю, карантин. Правильно. Профилактика. Одобряю.

Князева. Когда ангелы подхватили вчера твою грешную душу со сцены, то, несколько раз ее уронили. Тщедушная и лукавая душа не выдержала космических перегрузок, и ее стошнило.

Гаврилов. На меня?

Князева. На всех.

Гаврилов (поправляет постель). Ну, зачем, здесь на этом белом облаке вспоминать о том, что кануло навсегда. Я прощаю всех, а они, - люди, пусть простят и меня.

Князева. Простят ли?

Гаврилов. Куда они денутся! Ведь одним человеком на земле стало меньше.

Князева. Ты хотел сказать, что на одного артиста на небесах стало больше!

Гаврилов. Да, на земле я был когда-то артистом. Но теперь я должен стыдиться своей прошлой профессии.

Князева. Почему?

Гаврилов. Я столько напяливал на себя масок, что и сам забыл, как по-настоящему выглядит моё лицо. Много обличье на небесах не приветствуется. У двуликого Януса, их было всего два, и то, его сюда не взяли. А у меня, то... Как мне все-таки необычайно повезло.

Князева. Может, хватит Гаврилов дурочку ломать!

Гаврилов. Не понял.

Князева. Ты что действительно ничего не помнишь или притворяешься?

Гаврилов. Я все отлично помню. Я же умер.

Князева. Значит, умер.

Гаврилов. Окончательно и бесповоротно.

Князева. И на землю, ни при каких обстоятельствах возвращаться не собираешься.

Гаврилов. Не собираюсь! Что я там забыл?

Князева. А вернуться тебе все-таки придется.

Гаврилов. Ни за что!

Князева. Ты вчера Гаврилов меня публично оклеветал!

Гаврилов. Я вас... не помню. Зачем мне на ангела клеветать? Быть такого не может. Вы что-то путаете!

Князева. Ничего я не путаю. У меня живые свидетели есть.

Гаврилов. Зачем ангелу живые свидетели и кому нужна эта очная ставка?

Князева. Она нужна мне, чтобы обратиться в суд за защитой своего честного имени как женщины и как артистки.

Гаврилов. Что и на небе актрисы есть?

Князева. Представь себе.

Гаврилов. Следовательно, рай скоро рухнет. Вот черт! (Гаврилов более внимательно присматривается к Князевой.) Я сейчас и вправду нахожу в ваших чертах некое сходство с актрисой Князевой. Вы случайно не родственники?

Князева. Нет.

Гаврилов. Удивительное сходство. Ангел и актриса. Нет, чур, меня, чур.

Князева. Ну, и как тебе, Князева?

Гаврилов. Что значит как?

Князева. Ну, как женщина и как актриса!

Гаврилов (откровенничает). Как женщина – хороша. Чертовски! Как спелое яблочко, так и хочется с ветки сорвать и надкусить. Как все примы: горда и самолюбива. Но талант...

Князева. Талант?

Гаврилов. Непревзойденный. Правда, в последнее время приберегать его стала, словно расплескать боится, за один спектакль.

Князева. А как надо расходовать талант?

Гаврилов. Необходимо жить и умереть в спектакле, и от оваций воскреснуть. Но что о прошлом говорить. Лучше расскажите, какие новости тут у вас наверху

Князева. О новостях ты сам, все вскоре узнаешь. Ты еще раз посмотри на меня повнимательней, Гаврилов.

Гаврилов. Ну, что я в вас не видел. (Пауза.) Быть такого не может.

Князева. Чего не может быть?

Гаврилов. Чтобы на небе я увидел живую Князеву. Померещится же такое.

Князева. Действительно, не может быть. Но, если Князевой нет на небе, значит ты – Гаврилов еще на земле.

Гаврилов. На земле?

Князева. И не просто на земле, ты сейчас лежишь на ее кровати.

Гаврилов. На кровати Князевой!

Князева. В ее ночной рубашке.

Гаврилов. Какой ужас. Тем более что рубаха мне жмет, а я то, грешным делом подумал, что это у меня крылья за спиной растут. Мне бы одеться (пытается встать).

Князева. Лежать!

Гаврилов. Я не могу валяться в присутствии женщины в ее ночной рубашке. Верните ради Христа, мои тленные вещи.

Князева. Я же сказала, они сохнут.

Гаврилов. Ничего. Я их так на себя одену и домой пойду.

Князева. Я тебе пойду. Вчера ты свой спектакль поставил, а сегодня я свой играть буду, и с тобой у меня самые лучшие мизансцены роли. Мне нужен настоящий партнер.

Гаврилов. Партнер?

Князева. Партнер – жертва! И я без проб тебя беру на главную мужскую роль.

Гаврилов. Если на главную, и никто другой ее лучше сыграть не может, то я, пожалуй, и соглашусь. Нельзя ли заранее с текстом ознакомиться?

Князева. Успеешь. Как все подойдут, ты тогда и познакомишься и навеки успокоишься (последние слова говорит еле слышно).

Гаврилов. Что простите?

Князева. Теперь я свою роль повторяю, чтобы ничего не забыть. За один лишь вчерашний вечер, тебя надо на медленном костре сжечь.

Гаврилов. Наверное, вчера был какой-то особенный спектакль? Вы столько говорите о нем, а я вот ничего не помню. Обидно!

Князева. Зачем тебе вспоминать то, чего я никогда не забуду?!

Гаврилов. Так значит, спектакль удался?

Князева. Да, Костя спектакль прошел превосходно. Если бы ты слышал, как вчера тебе аплодировали, зал просто бушевал, он несколько раз скандировал: «Гаврилов, Гаврилов».

Гаврилов. Неужели зритель узнал о моем существовании?

Князева. Теперь все знают эту фамилию, и это единственное, что меня останавливает сейчас: просто и беспощадно с тобой... (говорит тихо) разделаться.

Гаврилов. Вы снова что-то сказали?

Князева. Я вот посмотрела утренние газеты и обнаружила две хвалебные статьи о тебе.

Гаврилов. Обо мне? Быть такого не может. Разрешите.

Гаврилов встает с постели и в ночной рубахе подходит к Князевой, выхватывает из ее рук газету и вслух читает хвалебные строчки о себе.

Гаврилов (читает). Вот послушайте, что обо мне пишет талантливый критик. На сцене вчера не было актеров, но были люди, глубоко чувствующие. Молодцы все: и Князева, и Седов, и Мышкина, и главный постановщик Змеев, но Гаврилов был лучше всех. Он, то, есть я не ходил по сцене, а парил над ней. Слышите, парил...

Князева. Я все очень хорошо слышу.

Гаврилов в ночной рубахе начинает метаться по сцене.

Князева. Тапочки хоть одень.

Гаврилов. К черту тапочки! Ля-ля-ля (поет). (Танцует на сцене и снова вслух читает).

За такую с позволения сказать игру на сцене театра, ... предлагаю актеров навечно заключить в наши объятия и не выпускать их больше никуда. (Пауза.) Ах, как трогательно заключить

меня в объятья.

Князева (поправляет). Всех нас.

Гаврилов. Нет, меня одного. Теперь я все вспомнил. Вчера был мой бенефис. Если бы не я, то, вы бы все играли эту жалкую пьесу, когда она охотится за одним, но тут же под ногами у нее вертится другой. Кто на ком там у вас, в конце концов, должен был оказаться, я так и не уразумел! Срамота одна. Если бы не я!

Князева. Как оказывается, первый успех голову кружит, и даже актерам с двадцатилетним стажем?!

Гаврилов. Вот только не надо. Стоило мне кое-что изменить из обстановки, сменить на микрон тональность в голосе и все вы... поплыли. Театральная труппа тут же развалилась. Вы так растерялись, что стали уже через окно попадать на сцену, а ваши экспромты без тем, без слов, без сюжетов, без пластики тела... Позор. А этот постановщик - бездарь. Да, я всех вас буквально за уши тащил за собой. Вы все должны мне в ноги кланяться и всю жизнь благодарить меня. Один Гаврилов – это ключ к триумфу.

Князева (смотрит на Гаврилова и мотает по сторонам головой). Ну, что ж надо и впрямь признать...

Гаврилов. Ну, что и до тебя наконец-то дошло, кто такой Гаврилов?!

Князев. ...Что король оказался на самом деле... голым.

Гаврилов. В каком смысле?

Князева. В прямом. Посмотри на себя.

Гаврилов. Ой (бежит в постель и снова накрывается белой простыней).

Князева. Как хорошо все-таки, что ты все вспомнил. У меня прямо от сердца отлегло.

Никогда безвинных не убивала, и на этот раз бог миловал.

Гаврилов. Кого убивать? Меня!

Князева. Именно.

Гаврилов. Как же искусство? Оно не перенесёт такую скоропостижную утрату.

Князева. Уж, как-нибудь. Ведь жило оно без тебя несколько тысячелетий, а вчерашний день не в счет.

Гаврилов. Протестую. Я только жить начал, а меня убивать решили. Как не по-христиански это. И к тому же газету я не до конца прочел!

Князева. А что тебя интересует?

Гаврилов. Там случайно ничего не сказано о моих поклонниках?

Князева. Как раз о них не сказано ни слова.

Гаврилов. Но как же... ведь не бывает актеров, у которых не было бы своих поклонников, в моем случае лучше поклонниц. Что действительно, ни слова?

Князева. Прости, но это та горькая, правда, которую ты должен знать.

Гаврилов. А я был так счастлив.

Князева. А как же, правда!

Гаврилов. Вы думаете, я боюсь правды, потому что ее не выношу, нет, все потому что она может разбить во мне веру в себя. Мне бы хоть одну поклонницу и берите мою жизнь... не жалко.

Князева. Ну, ладно есть у тебя одна поклонница.

Гаврилов (встрепенувшись). Кто она? Ну, не томите же меня! Не то сердце в груди разорвется.

Князева. Что это ты так разволновался?

Гаврилов. Ну, как вы не понимаете! У многих целые толпы, десятки, а то и сотни тысяч, а у меня одна. Мне так одиноко без нее, а ей без меня. Она одна оценила мой талант, а может, признала за мной право на призвание. Ведь тогда все в моей жизни было не напрасно.

Не знаю почему, но я снова в себе сомневаюсь. Эти вечные вопросы, дополнения, угрызения, я так от них устал, что мог бы лучше, там не доиграл, здесь не досмотрел, и так до конца не почувствовал своей роли. Это такая мука. А поклонница меня поддержит, утешит...

Так кто же она?

Князева. Не знаю, какая-то таинственная особа.

Гаврилов. Неужели она о себе никаких сведений не оставила? Может адрес, телефон, фамилию, имя?!

Князева. Кажется, была записка, когда ты уже лежал в самом бессовестном состоянии.

Гаврилов. Где она?

Князева. Я ее потеряла.

Гаврилов. Потеряли! Растяпа. Тебе такой важный документ доверили, а ты... вы.

Князева. Да, потеряла. Помню, только в конце записки были странные инициалы.

Гаврилов. Какие?

Князева. Две буквы: «Т» и «К».

Гаврилов (повторяет). «Т» и «К». Какая гармония слышится в этих двух словах, за которыми скрывается целая галактика любви и тепла.

Князева. А если нет?

Гаврилов (нервно и громко). Ничего вы не понимаете.

Князева. На каком основании ты – Гаврилов поднимаешь на меня голос.

Гаврилов. Ах, оставьте ваши вечные кривляния. Вы всегда получали сотнями записки от своих поклонников с самыми нескромными пожеланиями, а тут добрая душа, ангел написал мне, а вы меня... погубили. Нет, не только меня, но и ее, а значит нас обоих. Убийца!

Князева. Но может твой ангел, такой вездесущий, что сам тебя найдет. Еще устанешь от нее. Эти поклонницы бывают порой так несносны!

Гаврилов. Никогда. Ах, мне бы лишь раз в ее глаза взглянуть, я бы ей все свое сердце открыл.

Князева. И чтобы ты ей сказал?

Гаврилов. Вам не скажу.

Князева. Так бы ты свою жизнь, хоть на несколько минут продлил.

Гаврилов. Жизни своей мне давно не жаль.

Князева. Вдруг она сейчас тебя слышит.

Гаврилов. Ах, если бы так. Ведь с этого волшебного «если бы» из двух слов и родилась моя актерская душа. Если бы она меня видела, поняла, приняла, полюбила, то я стал бы самым счастливым актером и человеком. Ведь актер всегда должен верить, а верить можно только правде.

Князева. Но сейчас ты готов поверить в любую ложь?

Гаврилов. А сцена и есть главная ложь, подделка, декорации, картон, краски, грим, костюмы, бутафория, деревянные кубки и мечи. Я же верю правде моих чувств и ощущений, о правде внутреннего творческого побуждения, стремящегося выжаться. Мне не важна, правда вне меня, мне важна, правда во мне самом, правда моего отношения к тому или иному событию на сцене, к вещи, к декорации, к партнерам, изображающим другие роли пьесы, к их мыслям, чувствам. Все эти вещи – сплошная ложь, я знаю это, но мне нет до них никакого дела.

Запомните, что творчество, как и любовь, начинается с того момента, когда в душе и воображении артиста появляется магическое творческое «если бы».

Князева. Как оказывается все просто и легко, «если бы» и я уже актриса.

Гаврилов. А в искусстве – чем проще, тем труднее, простое должно быть содержательно, лишнее сущности, оно теряет смысл. Простое чтобы стать главным, и выступить вперед, должно вместить в себя весь круг сложных жизненных явлений, а это требует подлинного таланта, совершенной техники, богатой фантазии. Так как нет ничего скучнее простоты бедной фантазии.

Князева. Значит твоя фантазия по поводу «ТК» бедная?

Гаврилов. Нет.

Князева. Тогда богатая?

Гаврилов. Тоже нет.

Князева. Так какая же она?

Гаврилов. Она добрая и щедрая.

Князева. Ты просто хочешь меня разжалобить?

Гаврилов. Ничего я не хочу.

Князева. Может быть, у тебя есть последнее желание?

Гаврилов. Мне бы встретиться, хотя бы на прощание с этой «ТК», Но это судя по всему невозможно. Ведь так?

Князева. Именно.

Гаврилов. Тогда верните мне, пожалуйста, вещи.

Князева. Еще не время.

Звонок в дверь.

Гаврилов (испуганно). Кто это?

Князева. Наверное, черти по твою душу пришли.

Гаврилов. Почему сразу черти, может, за мной ангелы прилетели, увидели, что уронили меня, опомнились и вот, тут как тут.

Князева. Тоже мне лягушка путешественница.

Князева идет открывать дверь и в комнату заходят артисты, которые вчера играли спектакль во главе с постановщиком.

Гаврилов. Точно черти за мной. Убить решили. Им меня постановщик заказал (начинает икать.).

Высоцкий. Ну, здравствуй, Гаврилов.

Гаврилов. И-и-иа.

Высоцкий. Ты что это дружище, решил мою вчерашнюю роль сыграть. Так не пытайся, потому что тебе меня никогда не пере икать.

Змеев. Высоцкий вы не забыли, что вы по-прежнему ухаживаете за Мышкиной и оставьте в покое Гаврилова.

Высоцкий. Так что мне и жениться теперь на этой проклятой Мышкиной. Надоела она мне хуже горькой редьки, спасу от нее нет. Да, и сейчас мы не на спектакле.

Змеев. А Шекспир!..

Высоцкий. А Шекспир, то, тут причем?

Змеев. Он сказал...

Седов. ...Что весь мир театр, а люди в нем актеры.

Змеев. Bravo!

Гаврилов. Молодец. Заслужил кусочек сахара от дрессировщика.

Змеев (Гаврилову). Вы, почему весь в белом?

Князева. Гаврилов думает, что он в раю.

Гаврилов. Теперь я так не думаю. Один рай просто не в состоянии принять всю нашу труппу. Значит только в аду.

Змеев. Не угадали. Вы ни в раю, ни в аду. Вы в чистилище. В буферной зоне. На нейтральной полосе. Ну, как самочувствие после вчерашнего?

Гаврилов. Слабость во всем теле.

Высоцкий. Поправим. Я же все с собой принес. Будешь (показывают бутылку коньяка).

Гаврилов. Фу-й. Ни за что. У меня до сих пор голова кружится.

Змеев. Небось, от успеха закружилась?

Гаврилов. Нет, от шампанского.

Змеев. Надо меньше пить. Чуть мою карьеру не погубили, но вы ее тем самым и спасли.

Седов. Ну, а как же я, который всегда следует вашим указаниям, а Гаврилов взял вчера и напился на сцене.

Змеев. Искусство – это порядок и стройность. Где нет тренировки, выдержки, дисциплины – нет искусства, но и без внутреннего позыва его тоже нет.

Белов. Вот Костя послушал свое больное актерское сердце, и оно его не обмануло.

Мышкина (садится на кровать). Бедный, бедный Гаврилов. Тебя хоть кормили?

Гаврилов (жалуется). Мне только воды налили, и то самую малость.

Мышкина. Ну, разве Князева кроме своей сцены что-то знает и умеет. Даже воды вскипятить не может, не то чтобы мужика накормить. Ведь он же ещё и гениальный артист!

Князева (оправдывается). Так он и не просил поесть.

Мышкина. А сама догадаться не можешь?

Князева. Он все время о своей поклоннице – таинственной «ТК» бредил.

Мышкина. Что это еще за «ТК»? У нас в труппе своих незамужних хоть пруд пруди, а тут эта - на все готовое подоспела. Этой таинственной «ТК» надо сразу сказать, что такие таланты надо самим растить, а не воровать у нас под носом. Я сейчас больше не за себя, а за женскую часть труппы нашего театра говорю, ведь так Князева?

Князева. Мне то что!

Мышкина. Ну, если тебе все равно, почему же, он у тебя ночует, а не у меня, например?

Князева. Просто везти мужской труп ко мне было ближе.

Мышкина. У меня бы Гаврилову было бы уютнее и сытнее.

Князева. Что, уже всем растрезвонила!

Мышкина. О чем ты? Кому звонить, когда все тут! Да и в телетайпных новостях я уже не участвую. Окончательно сфокусировалась на искусстве. Только так, я смогу тебя со сцены сжить, ведь у меня талант. Это вчера сам Гаврилов сказал!

Князева. Так он же солгал.

Мышкина. Нет, Гаврилов лгать не может. Скоро все твои роли будут мои.

Князева. Это мы еще посмотрим.

Мышкина. Ну, как актриса с актрисой мне, конечно, нелегко придется, а вот как с женщиной, я любой форе дам.

Князева. Вот, именно, что дашь.

Мышкина. Спасибо тебе Гаврилов, что ты во мне не только актрису увидел, но и женщину.

Князева. У него уже есть женщина, так что можешь не стараться. Он ей и предложение уже сделал.

Гаврилов. Предложение?

Змеев (настороженно). Какое еще предложение? На сцене пыль еще не улеглась, а антрепренёры вам уже бесстыжие предложения делают. Подлецы! Только не верьте в их высокие гонорары, они все равно обманут. Вы сейчас же должны отвергнуть, все их гнусные предложения, и остаться некопобелимы... то есть непоколебимы.

Мышкина. Да, мы сейчас другое предложение обсуждаем, которое в сотню раз важнее всех предложений антрепренеров мира. Так ты действительно уже сделал ей предложение?

Гаврилов (неуверенно). Кому?

Князева. Ну, своей «ТК» - единственной поклоннице!

Гаврилов. Да, сделал.

Мышкина. Ну, таких поклонниц у Гаврилова теперь будут тысячи. А вот эта неизвестная персона - «ТК», надо будет, ее как можно быстрее обнаружить, и съесть.

Гаврилов. Настоящее искусство не может уничтожать, оно лишь складывает и умножает.

Мышкина. Хорошо не буду я пока никого уничтожать, это я так, к слову.

Змеев (отвечает на слова Гаврилова). Ваши цели и задачи в искусстве оспаривать не буду, потому что полностью с ними согласен. Только что был у драматурга.

Высоцкий. Что покойника с утра пораньше решили проведать?

Гаврилов (говорит с ужасом). Так что он умер?

Змеев. Кто он?

Белов. Драматург. Наверное, после всего того, что совершил Гаврилов с его пьесой, он застрелился?

Змеев. Вот еще!

Седов. Значит повесился!

Гаврилов. И-и-иа.

Змеев. Если это произойдет, то и нам туда дорога, потому что наше коллективное творчество начинается с драматурга, запомните это. Без него всем нам на сцене делать нечего.

Белов. Крышка всем нам

Высоцкий. Так что нам всем вслед за драматургом... пора.

Змеев. Оставьте ваши солдафонские шуточки Высоцкий. (Обращается к Гаврилову.) Так вот я только что от драматурга и он вне себя... от радости. Просил вас целовать и обнимать.

Высоцкий. Так что же вы не целуете Гаврилова.

Змеев. Я же, фигурально выражаясь.

Белов. А не фигурально слабо!

Змеев. Запомните Белов, и зарубите себе на носу, что для постановщика нет ничего невыполнимого. Смотрите, как надо нежно и трогательно целовать своего партнера в губы, а не в засос, как вы это делаете на сцене, и так же обнимать, а не лапать, не обыскивать актрису, а чувственно прикасаться к ней. В конкретном случае, к нему.

Гаврилов. И-и-иа.

Высоцкий. Вот и Гаврилов не против.

Змеев целует Гаврилова.

Змеев. Может еще на бис.

Гаврилов. Нет, больше не надо, потому что такого второго поцелуя я не переживу. Так что просил передать драматургу?

Змеев. Ах, да ... драматург. Он желал бы вас, как соавтора пьесы оформить. Ваши личные переживания таким новым смыслом наполнили его пьесу, что драматург просит вас к себе в любое время дня и ночи... со мной конечно.

Высоцкий. На троих соображать будут, не иначе.

Гаврилов. Меня к драматургу!

Змеев. Но со мной... такие правила знаете. Еще будут два столичных критика. Они тоже ждут, не дождутся с вами встречи.

Высоцкий. Ну, если столичные критики, то ящик водки выжрут, не меньше.

Змеев. Я уже имел с одним встречу, так он меня в пух и прах разнес. Почему говорят Гаврилова, в таком амплуа они видят впервые? Откуда вообще он взялся? Где он был раньше? Сколько оказывается в нем нечеловеческого таланта! Как ему удалось так органически транспортировать жизнь к роли или роль к жизни?! Они сами в недоумении.

Какая, сила, в нем. Какая актерская глыба. А я лишь позволил критику заметить, что являюсь лишь постановщиком, и своим талантливым криком сумел разбудить в Гаврилове актера. Ведь как говорится, стоит на актера накричать и родится актер. Да, какой! У этого столичного критика везде связи, и уже через два часа меня назначили на должность главного режиссера вашего театра.

Высоцкий (Гаврилову). Ну, и удружил ты нам, спасибо. Век не забуду (открывает бутылку, находит стаканчики и предлагает выпить).

Высоцкий (Седову). Будешь?

Седов. Буду, чего уж теперь.

Высоцкий. Что сердце больше не беспокоит?

Седов. Да, ну его. Пашешь как негр на плантациях, а слава достается одному Гаврилову.

Белов. И мне плесните.

Змеев. Высоцкий вы опять пьете, и к тому же спаиваете труппу с утра пораньше. Ведь нельзя пить на голодный желудок.

Высоцкий. Что значит опять. Я тренируюсь изо дня в день, чтобы достигнуть совершенства, а достигнув его, спешу поделиться опытом со своими сотоварищами. Тем более что повод есть!

Змеев. Какой?

Высоцкий. За здоровье, Гаврилова!

Змеев. А что с ним?

Высоцкий. Вы только посмотрите на него. Он же белый как смерть, весь трясется, и от лекарства отказывается. Вот за его актерскую выдержку и надо выпить.

Змеев. Не спешите. И к тому же коньяк надо предложить всем, а не только мужчинам.

Высоцкий. Вот о женщинах я совсем забыл (наливает всем по рюмке коньяка). Ну, будь здоров Гаврилов (со всеми чокается).

Змеев. Мне, что, наливать не надо?

Высоцкий. Так я все так и сделал, как вы советовали: налил мужчинам и женщинам.

Змеев. А я кто, по-вашему, не мужчина?

Высоцкий. Честно, говоря, нет. Вы - режиссер. Но если вы с нами не брезгуете выпить за Гаврилова, то милости прошу.

Все пьют за Гаврилова.

Гаврилов. Так я хорошо играл?

Мышкина. Превосходно.

Седов. Очень недурно.

Князева. Вполне.

Белов. В этом что-то есть.

Змеев. Как учил, так вы и играли.

Высоцкий. Вранье. Ты Гаврилов играл сносно, но ведь можешь, можешь ещё лучше, сукин ты, сын.

Гаврилов. Мне показалось, что я только дразнил образ, но так и не смог стать образом.

Я насиловал свои чувства, и за это природа отомстила мне. Появилось напряжение, судороги, потуги, корчение всего тела, мышечная анархия, дурные условности, актерские ремесленные штампы.

Змеев. Никогда не пейте до сцены и на ней тоже не пейте. Пьянейте без вина от нее самой. И запомните еще одно, что пока актер неудовлетворен своей работой, он страдает, мучается, но в этих муках рождается его бессмертие. Ведь только истинный талант бывает с совестью.

Князева. Да, уж талант. Вы бы слышали, что он тут раньше говорил, удивились бы. Как он возносил себя.

Гаврилов (опустив голову). Мне стыдно.

Змеев. Когда стыдно – это хорошо. Сколько блестящих актерских карьер и человеческих судеб на моей памяти рушилось только из-за своей мании величия. Где теперь они талантливые и милые с детским сердцем и умом? Должно быть, погибли от славы, не перенеся успеха. Мир праху вашему.

Гаврилов. И моему.

Змеев. Ну, если вы будете верить всему хорошему, что о вас говорят и даже пишут, то, и вашему. И поражение от победы актёр не должен отличать. Но вчера, вы, Гаврилов держали внимание зрителя целых не семь минут, а восемь. Поэтому закройте сейчас свои уши, а все другие пусть слышат, что о вас, я как главный режиссёр театра скажу. (Гаврилов закрывает свои уши.) Я довольно долго изучал, сколько минут актер один, стоя перед рампой на авансцене, без всякой посторонней помощи, может удерживать на себе внимание толпы. При этом я также следил, насколько разнообразны его позы движения и мимика. Опыт показал мне, что максимум актерской способности одному безостановочно держать внимание тысячной толпы, при сильной захватывающей сцене равен семи минутам. И это огромно! Минимум при обыкновенной тихой сцене – одна минута. И это тоже огромно. Далее актеру уже не хватает разнообразия выразительных средств, ему приходится повторяться, отчего внимание ослабевает, вплоть до следующего перелома, вызывающего новые приемы воплощения и новый приступ внимания зрителей. Заметьте – это у гениев. Гаврилов теперь вы можете слушать.

Гаврилов слушает наравне с другими.

Змеев. Что же говорить у простых актёров с их доморощенными приемами игры, с плоским малоподвижным лицом...

Мышкина. Вот как у Высоцкого, например.

Змеев (продолжает дальше). С руками, которые не гнутся...

Высоцкий. Как у Мышкиной.

Змеев. С телом, которое коченеет от напряжения...

Белов. Как у Седова.

Змеев. С ногами, которые не стоят, а топчутся на месте.

Седов. Как у Белова.

Змеев. Как хорошо, что вы сами знаете свои слабые места и вот над ними мы и будем с утра до ночи работать. Чтобы каждый из вас мог владеть вниманием зрителя как... Князева.

Гаврилов. Мне дадут наконец-то одеться в этом доме или нет!

Мышкина. Зачем, ты мне так больше в постели нравишься?

Высоцкий (Мышкиной). Какое счастье, что у нас с тобой вкусы разные.

Князева. Но ведь вещи ещё не высохли

Гаврилов. Ну, хоть халат какой-то, чтобы накинуть на себя, а то я все лежу и лежу...

Змеев. Лежите, лежите Константин Иванович. Вам нельзя волноваться, ведь, если с вами что-то случится, то, что с нами со всеми будет. (Пауза.) Я чуть не забыл, почему я пришел к вам. Мне бы посоветоваться с вами, какую пьесу лучше поставить?

Гаврилов. А я тут при чем?

Змеев. Хочу, специально под вас ее поставить.

Гаврилов. Под меня?

Змеев. Да, под вас. Сейчас же и начнем репетировать.

Гаврилов. Как сейчас? Ведь я же, простите голый.

Змеев. Да, должен еще раз убедиться в вашем прозорливом таланте и заявить, что вы и на этот раз правы. Сколько раз я думал, что пора ставить сказку, да, все сдерживал себя, а теперь созрел – будем ставить сказку про голого короля.

Князева. Не возражаю.

Мышкина. Я тоже.

Седов. Ну, а я как все.

Белов. Почему бы и нет.

Высоцкий. Не согласен. Это моя роль!

Мышкина. Ты играл роль глупого и сильно пьющего короля, а тут про голого, но доброго.

Понимаешь, какая разница?

Высоцкий. Представляю себе. Ходить по сцене голым, и всех уверять, что ты одет по моде.

Да, это роль только для Гаврилова и его партнерши Князевой. Но найдется голос вопиющего в пустыне, который скажет: «А король, то, голый!».

Гаврилов. На таких условиях я отказываюсь от роли. Да и мне выступать не в чем.

Змеев. Ну, тогда перенесем нашу репетицию на завтра.

Гаврилов. Может, и пьесу другую выберем?

Змеев (строго). Нет, этот вопрос уже решен. Правда, не понимаю вашей стыдливости, ведь на каждую новую роль актер выходит на сцену всегда голый. Не замечали?

Гаврилов. Нет.

Высоцкий. И я представьте себе, этого тоже не замечал. Мышкина, так ты оказывается, вот уже пять лет ходишь передо мной голышом, а я не в зуб ногой.

Мышкина. Ну и разуй глаза. Но смотри, не ослепни. Мне же тебе зрячему надо яд в спиртное подсыпать или забыл! Я от своих планов не собираюсь отказываться.

Высоцкий. Вот отравить тебе, меня не удастся, потому что с этой минуты я вообще перестаю пить. Теперь только на тебя мое золотце, буду смотреть.

Мышкина. С чего это тебя так развезло?

Гаврилов. Так влюбился я в тебя без памяти. Да и постановщик, то есть уже наш главный режиссер все время рекомендует тебя неплохо. Вот и решил я, что от добра добро не ищут. Змеев (Гаврилову). Главное уберечь свою роль от перерождения. Ну, согласитесь, какой может быть, костюм на актере, который играет голого короля.

Мышкина. Действительно, никакого.

Высоцкий. Поймут ли зрители ваш режиссерский подход?

Змеев. Но если вы это поняли, то наши зрители и подавно.

Высоцкий (Гаврилову). Так может мне заехать через полчаса, и я смог бы тебе, кое-что из своего гардероба подобрать.

Гаврилов. Спасибо.

Князева. Не стоит. Как говорил наш уважаемый постановщик, сократи свои требования и ограничься простыми задачами.

Змеев. Я говорил?.. Ну, да может быть. Только, честно говоря, я этого не помню.

Высоцкий. Ну, могу и не заезжать.

Князева. К Гаврилову уже обещала прийти одна особа, вот она ему вещи и принесет.

Гаврилов. Кто она?

Князева. Ваша – «ТК».

Гаврилов. Значит она придет? Ах, если бы все это было правдой!

Князева. Придет, никуда не денется.

Высоцкий. А где Седов и Белов?

Мышкина. Они давно ушли.

Высоцкий. Почему?

Мышкина. Потому что они в отличие от тебя, очень тонко чувствующие люди.

Они поняли, что их присутствие обременительно и неуместно.

Высоцкий. Что это значит? Я опять что-то просмотрел?

Мышкина. Ты не только просмотрел, но ты и не услышал. Кажется, я догадываюсь, кто скрывается за таинственными инициалами «ТК»!

Высоцкий. Кто же?

Змеев. Действительно, кто бы мог это быть?

Мышкина. Это я на завтрашней репетиции вам скажу, и только в том случае, если буду на сто процентов уверена. Тебе же Высоцкий не эти буквы надо разгадывать.

Высоцкий. Какие, радость моя? Отравительница!

Мышкина. «ТМ».

Высоцкий. Задача не из простых.

Змеев. Да, еще одно важное известие. Наш актер, Нечаев все-таки вышел из театрального люка. Сам!

Высоцкий. Скажите, пожалуйста! И как он мотивировал свое появление?

Змеев. Говорит, что давно так не сопереживал актерам на сцене, как вчера. Он даже плакал. Ну, прощайте.

Уходят все. Остаются Князева и Гаврилов.

Гаврилов. Как же, моя единственная поклонница с инициалами «Т» и «К».

Князева. Я думала Гаврилов, что с твоей фантазией, как ты говорил - щедрой и доброй, для тебя не составит особого труда понять кто, скрывается за этими двумя буквами.

Гаврилов. А я и так все понял.

Князева. Ну, наконец-то

Гаврилов. За двумя буквами скрывается моя поклонница. Тифози! Фанат моего искусства!

Князева. Ничего ты не понял! Ну, что, по-твоему, значит буква «К»?

Гаврилов. Буква «К» ее же, и означает.

Князева. Хорошо, у кого в нашей труппе фамилия или имя начинается на букву «К»?

Гаврилов. Не знаю. Да, и причем - это все к моей единственной поклоннице, не пойму.

Князева. Хорошо, какие мои инициалы?

Гаврилов. Ну, «К». (Пауза.) Постой, так это значит.

Князева. Ровным счетом ничего.

Гаврилов. А буква «Т»?

Князева. От слова - тайна. И все вместе выходит...

Гаврилов. погоди... я сам. Получается, таинственная Князева. (Пауза.) Но все равно - это не дает тебе право насильно держать мои вещи вдалеке от меня. Они же скучают!

Князева. Ты меня вчера публично оскорбил, поэтому будешь просить прощение.

Гаврилов. Это что, новая пьеса: он бросает ей упрек в неверности, но вскоре осознает, что был не прав, и уже на коленях вымаливает помилование у великой Князевой.

А что, неплохой сюжет! Надо драматургу рассказать. Только кто в этой пьесе будет играть главную роль?

Князева. Я.

Гаврилов. Кто ещё?

Князева. Какой ты все-таки недалекий Гаврилов, впрочем, как все мужчины.

Гаврилов. Как же долго продлится эта театральная постановка на афишах времени?

Князева. Не знаю. Но я чувствую, что на каждом спектакле неизменно будет аншлаг.

Гаврилов. И только одна в моем любящем сердце - «ТК».

Гаврилов пытается поцеловать Князеву, но на сцену возвращается главный режиссер.

Змеев. Тут мне новая идея пришла в голову. Так я спешу поскорее с вами с ней поделиться.

Гаврилов. Что другого времени не могли найти?!

Змеев. Боюсь все забыть, а переносить свои мысли на бумагу боязно. Потому что постоянно ощущаю на себе завистливые взгляды бездарных постановщиков, которые завидуют моему режиссерскому успеху.

Князева. Так что вы хотели сказать, наш главный и многоуважаемый режиссер театра?

Змеев. Я только сейчас понял, что творить надо - навсегда. И что театр начинает существовать лишь с того момента, когда зритель отзовется на то, что совершается по ту сторону рампы (гордо уходит).

Гаврилов (облегченно вздыхает). Ну, слава богу, что он понял то, что давным-давно всем известно.

Князева. Лучше поздно, чем никогда (целуются).

Занавес